

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

СТАРЫЕ
КОСТИ

ПЕРВЫЙ РОМАН НОВОЙ ЗАХВАТЫВАЮЩЕЙ СЕРИИ!

Линкольн Чайлд Дуглас Престон Старые кости

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Нора Келли», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422327
Дуглас Престон, Линкольн Чайлд Старые кости:
ISBN 978-5-389-19056-6

Аннотация

Как гласит история, в 1846 году караван переселенцев на Дикий Запад застрял в занесенных снегом горах Сьерра-Невады. Последствия зимовки были ужасными, свидетельства немногих выживших очевидцев были слишком невероятны и запутанны, а со временем крупницы фактов обросли сомнительными сенсационными подробностями... И вот спустя почти два столетия молодой археолог Нора Келли возглавляет экспедицию с целью найти Потерянный лагерь – одну из стоянок зимовщиков – и раскрыть его давно похороненные секреты. Поиски, можно сказать, увенчались успехом, но... правда оказывается страшнее любых домыслов. Прошрое и настоящее связаны темной тайной – именно поэтому на место раскопок прибывает специальный агент ФБР Корри Свонсон. В Бюро она новичок, однако вскоре

ей становится ясно, что ее первое расследование вполне может оказаться последним... *Впервые на русском!*

Содержание

1	7
2	14
3	27
4	34
5	43
6	58
7	70
8	77
9	86
10	101
11	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Старые кости

Douglas Preston and Lincoln Child

OLD BONES

Copyright © 2019 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, New York, USA

All rights reserved

Перевод с английского Анны Осиповой

Серия «Звезды мирового детектива»

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке Владимира Гусакова

© А. Д. Осипова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Майклу Питчу

13 октября

Ночь в Городе огней наступила рано. Густые тучи скрыли луну, и уже после двенадцати часов Париж совершенно не соответствовал своему прозвищу. Даже здесь, у реки, было темно и безлюдно: местные жители по будним дням так поздно не выходят, а для туристов и влюбленных парочек слишком холодно. По берегу быстрыми шагами шел только один прохожий. Воротник пальто поднят, чтобы защититься от холода. По Сене, будто призрак, бесшумно скользил к пристани длинный прогулочный теплоход с панорамными окнами. Ужин на борту закончился, за столиками пусто. А в остальном променаде у реки был полностью в распоряжении одного человека.

Впрочем, «променаде» – слишком громкое слово для узкого тротуара, выложенного старинной каменной плиткой и лишь чуть-чуть поднимавшегося над кромкой воды. Но даже ночью отсюда открывался впечатляющий вид: прямо напротив – остров Сите с темной громадой Лувра и башнями Нотр-Дама. Лишь отчасти скрытые мостом Дубль, они тянутся к угрожающе-мрачному небу.

Мужчина сидел на узкой скамейке возле деревянных лесов: часть старинного моста реставрировали. Каменная стена у него за спиной поднималась на высоту двадцати футов, а

сверху время от времени доносился шум машин, проезжавших по набережной Монтебелло – транспортной артерии на южном берегу Сены. Через каждую четверть мили от улицы к променаду спускались каменные лестницы с потертыми ступенями. Редкие лампы, закрепленные высоко вдоль подпорной стены, озаряли мокрую мостовую узкими полосками желтого света. Ту, что висела над головой сидящего мужчины, сняли в связи с ремонтом моста Дубль.

Вдалеке показался жандарм в непромокаемом плаще. Вот он поравнялся со скамейкой. Насвистывая песню Джо Дассена, страж порядка улыбнулся и кивнул мужчине. Тот наклонил голову в ответ и закурил «Голуаз». Он спокойно смотрел жандарму вслед, пока тот не скрылся под мостом. Разносившаяся эхом мелодия «*Et si tu n'existais pas*»¹ удалялась.

Мужчина сделал глубокую затяжку, потом вытянул руку и устался на горящий кончик сигареты. Движения медленные, усталые. Ему хорошо за тридцать. На нем шерстяной костюм безупречного кроя. Между стильными итальянскими ботинками стоит потертый, битком набитый кожаный портфель «гладстон». Такой легко представить в руке успешного юриста или врача с частной практикой на Харли-стрит. Рядом с мужчиной к скамейке прислонен блестящий новенький самокат. Этот человек ничем бы не выделялся из длинного ряда процветающих парижских деловых людей, если бы не черты лица: впрочем, в темноте разглядеть их непросто.

¹ Название знаменитой песни Джо Дассена.

В них есть что-то экзотическое, но точную принадлежность определить трудно. Азия? Казахстан? Турция?

Тут к приглушенным шумам большого города присоединился звук приближающегося велосипеда. Мужчина вскинул голову. На верху ближайшей лестницы показалась фигура, одетая в черные нейлоновые шорты и темную спортивную майку. На спине рюкзак со светоотражающими полосками, сверкнувшими в лучах фар проезжающей машины. Подтащив железного коня к ограде, велосипедист пристегнул его к ней, щелкнул замком, спустился по лестнице и подошел к мужчине в костюме.

– Ça va?² – спросил он, усаживаясь на скамейку.

Несмотря на ночной холод, его одежда намокла от пота.

Человек в костюме пожал плечами.

– Ça ne fait rien³, – ответил он и снова затянулся сигаретой.

– А самокат тебе зачем? – продолжил на английском ночной гость и спустил с плеч лямки забрызганного грязью рюкзака.

– В подарок сынку.

– Не знал, что ты женат.

– Разве я что-то говорил про жену?

– Так мне и надо – полез не в свое дело, – рассмеялся велосипедист.

Мужчина в костюме бросил окурок в реку.

² Как дела? (*фр.*)

³ Неважно (*фр.*).

– Ну, как все прошло?

– Хуже не придумаешь! По рассказам твоего человека, ожидал совсем другого. Думал, парк глухой и полузаброшенный, никто там не ходит. А он, putain de merde⁴, втиснут аккурат между вокзалом Монпарнас и Катакомбами!

Человек с экзотической внешностью пожал плечами:

– Парижан трудно шокировать.

– Такое даже в Париже не каждый день увидишь.

Тут показалась державшаяся за руки пара. Собеседники замолчали и уставились на реку. Двое прошли мимо, даже не взглянув в их сторону. Молчание нарушил мужчина в костюме:

– Но там ведь никого не было, верно?

– Да. С местом повезло – за стеной на улице Фруадево. Чуть-чуть подальше, и из окон жилого дома напротив меня было бы видно как на ладони.

– Наверное, попотеть пришлось?

– Да нет, вот только не шуметь оказалось трудновато. Да еще этот проклятый дождь! Угроздило же его полить именно вчера! Вот, гляди!

Велосипедист указал на кроссовки, еще больше облепленные грязью, чем рюкзак.

– Quel dommage⁵.

– Спасибо огромное.

⁴ Французское ругательство.

⁵ Как жаль (*фр.*).

Мужчина в костюме поглядел сначала вправо, потом влево. Никого, кроме двух влюбленных голубков, уже почти скрывшихся вдали.

– Ну, показывай.

Тот взял рюкзак и расстегнул молнию. Внутри – еще больше грязи и нечто завернутое в слои брезента, воздушно-пузырчатой пленки и мягкой замши. Из рюкзака вырвалась отвратительная вонь. Мужчина в костюме достал из кармана фонарик и тщательно осмотрел содержимое. Одобрительно хмыкнул.

– Молодец, – похвалил он. – Долго досюда ехал?

– Минут десять. Добирался переулками.

– Ну ладно, ни к чему задерживаться дольше, чем нужно.

Мужчина в костюме наклонился к портфелю, стоявшему между его колен. Щелкнул замок. Крышка откинулась. Внутри что-то мимолетно блеснуло отраженным светом.

– Что там у тебя? – поинтересовался велосипедист, заглядывая внутрь. – Оплату пластиком не принимаю. Драгоценными металлами тоже.

– Да так, ничего. Твои деньги здесь.

Мужчина похлопал по нагрудному карману пиджака. Полез внутрь. Велосипедист ждал. Вдруг, не вынимая руки из кармана, мужчина резко вскинул голову.

– погоди секунду! – прошептал он, наклоняясь к приятелю. – Кто-то идет.

Инстинктивно тот тоже подался вперед. Мужчина в ко-

стюме положил руку ему на плечо, как бы показывая, что встреча сугубо личная, и одновременно пряча их лица от случайного прохожего. Вот только мимо никто не шел. Променад был пуст. Другая рука вынырнула из кармана пиджака, сжимая «Spyderco Matriarch–2» – тактический нож. Его тонкое острие в форме перевернутой буквы «S» предназначено только для одной цели. Благодаря вейву Эмерсона – крючку, встроенному в обух, – из кармана мужчина извлек уже открытый нож.

Оружие мелькнуло стремительной черной тенью и вонзилось между вторым и третьим ребром. Острие погружалось все глубже, разрезая главные артерии над сердцем, потом выскользнуло наружу. Мужчина в костюме быстро вытер лезвие о шорты велосипедиста и одним ловким движением спрятал нож обратно в карман. На все это ушло секунды две, не больше.

Его жертва не двигалась. На лице застыло ошарашенное, потрясенное выражение. Хотя полость грудной клетки уже наполнялась кровью, рана была настолько мала, что через прорезь в футболке просачивались лишь редкие капли. Тем временем мужчина в костюме полез в «гладстон», достал тяжелую стальную цепь и висячий замок. Больше в портфеле ничего не было, если не считать толстой подкладки из резины и латекса. Встав и убедившись, что в поле зрения по-прежнему никого, мужчина схватил стальной самокат, сложил его, прижал к груди велосипедиста, обернул вокруг него

безвольно повисшие руки и обмотал их цепью. Плотно затянул ее и скрепил концы замком. Снова окинул взглядом сначала променад, потом противоположный берег реки. Наконец мужчина поднял велосипедиста и потащил в темноту под мостом, к кромке воды. Перебросив его ноги через бордюрный камень, разжал хватку. Тело тихо соскользнуло вниз.

Все это заняло еще десять секунд.

Едва заметно отдуваясь, мужчина наблюдал, как труп медленно скрывается из вида, погружаясь на глубину под весом цепи и самоката. Потом мужчина вернулся обратно к скамейке, осторожно переложил сверток из рюкзака велосипедиста в «гладстон» и закрыл и то и другое. На секунду замер, поправляя галстук и разглаживая пиджак. Потом быстро зашагал по тротуару, поднялся по каменной лестнице, прошел мимо велосипеда и на ходу бросил рюкзак в ближайшую урну.

Закурив еще одну сигарету «Голуаз», мужчина поудобнее перехватил портфель, потом поймал такси на площади Сен-Мишель.

Час спустя

Клайв Бентон сбросил скорость и на своем винтажном «форд-фальконе» свернул с Вайлд-Айриш-роуд и выехал на пыльную проселочную дорогу. Убедившись, что с трассы машину больше не видно, Бентон вылез из «фалькона», поднял крышу и повесил на плечи небольшой рюкзак. Достав телефон, загрузил навигатор для любителей пешего туризма, определил свое точное местоположение, наметил маршрут и зашагал через лес. Высокие ели и сосны росли редко, и большие пустые пространства между деревьями облегчали продвижение вперед. Несмотря на осень, в воздухе не чувствовалось ни малейшей прохлады. Он по-прежнему обманчиво теплый, тяжелый и вялый. Поглядев на восток, Бентон увидел за деревьями предгорья далеких пиков Сьерра-Невады, напоминавших серые клыки на фоне голубого неба. Скоро вершины скроются под снегом.

Бентон – историк, и о прошлом этих мест ему известно все, что способен узнать человек, живущий в наше время. Здесь находился эпицентр калифорнийской золотой лихорадки 1849 года – ныне исторический регион Золотая страна в округе Плэсер. Гидравлическая добыча золота испещрила горные склоны шрамами и пустотами. Гигантские струи воды разрушали грунт. Так золотоносный песок пропуска-

ли через огромные рудопромывочные желобы, добывая частицы драгоценного металла. Но эти дни давно в прошлом. Теперь предгорья в западной части горной системы Сьерра-Невада, примерно в сорока пяти милях от Сакраменто, по большей части не заселены. Бывшие городки старателей с такими названиями, как Датч-Флэт, Голд-Ран, Монте-Виста, Ю-Бет и Ред-Дог, переживают не лучшие времена. Некоторые полностью исчезли, но в других нашлись смелые предприниматели, восстановившие хижины золотодобытчиков и деревянные гостиницы и сделавшие из них туристические достопримечательности или места летнего отдыха. Расчет оправдался: район и впрямь начал привлекать потоки туристов, любителей походов и желающих снять дом на лето. Наконец пришло время строительного бума, наступление которого предсказывали годами.

До сих пор кое-где можно наткнуться на особняки времен золотой лихорадки, принадлежавшие тем немногим счастливицам, кому удалось разбогатеть. С запертыми ставнями, полуразвалившиеся, они скрываются в долинах или стоят посреди равнин. Бентон остановился, проверяя, в правильном ли направлении идет. Он приближался к развалинам одной из таких усадеб. Этот дом имел для него особое значение. GPS-навигатор показывал, что цель путешествия находилась в тысяче ярдов к востоку от его нынешнего местоположения. Чтобы до нее добраться, нужно было перевалить через низкий кряж. Особняк носил название Доннер-хаус,

поскольку когда-то принадлежал дочери Джейкоба Доннера, переселенца из печально известной партии Доннера.

Бентон продвигался вперед осторожно и тихо, стараясь держаться тенистых участков леса. На кряж поднимался медленно. Между деревьями виднелось что-то оранжевое и желтое, кое-где на солнце вспыхивал металл. Бентон понял: это два больших бульдозера, стоящие наготове на дороге, проложенной еще старателями. Эти два монстра вот-вот обрушат всю свою мощь на Доннер-хаус и превратят усадьбу в гору кирпича, штукатурки и обломков деревянных балок, освобождая место новому полю для гольфа и району многоквартирных домов на берегу реки Бэр.

Подойдя ближе, Бентон разглядел силуэты бульдозеров и фуры, в которой их сюда доставили. Двигатель фуры работал вхолостую. Пары дизельного топлива смешивались с сигаретным дымом. Переговаривались рабочие. Бентон обогнул их по широкой дуге и быстрыми шагами пересек дорогу в месте, которое от машин не просматривалось. Спускаясь с кряжа, Бентон наконец смог разглядеть старинный дом – ранний образец испанского колониального стиля возрождения. Клайв приблизился к низкой стене на краю леса, обозначающей границы усадьбы. Спрятавшись за ней, он внимательно осмотрел дом. Когда-то особняк выглядел внушительно: с одной стороны длинный низкий фронтонный портик, покрытый побелкой, а над ним мавританский купол и башня. Но крыша из красной черепицы провалилась, а на

месте отсутствующих окон остались зияющие черные дыры. Обширный сад и дендрарий разрослись и превратились в дикие, почти непроходимые джунгли из сорняков, засохших кустов и породистых деревьев, загубленных ползучими растениями-паразитами. Само здание заросло плющом, сплошь покрывавшим стены и вырывавшимся через дыры в крыше. «Вот он, живой пример того, что все на свете преходяще», – пронеслось в голове у Бентона. *Sic transit gloria mundi*⁶. Что за преступление – уже завтра всего этого не будет! Бульдозеры оставят от усадьбы лишь обломки да клубы пыли. Защитники архитектурных памятников изо всех сил старались спасти старинные развалины, но многочисленные потомки хозяев, уже пятьдесят лет оспаривавшие друг у друга право владения собственностью, нашли только одно решение проблемы: снести здание и продать землю. Шуршание долларов от застройщиков заглушило мольбы защитников усадьбы.

Бентон оглянулся на горный кряж. Рабочие выгрузили бульдозеры, и фура глухо зарычала, извергая черные облака. Вот она отъезжает. Рабочие – Клайв насчитал четверых – стояли рядом со своими машинами, однако уезжать не спешили. Похоже, собирались в последний раз осмотреть дом перед сносом.

Этого еще не хватало! Надо поторапливаться. Строго говоря, действия Бентона можно охарактеризовать как незаконное проникновение, но он оправдывал себя тем, что со-

⁶ Так проходит мирская слава (*лат.*).

вершает их во имя высокой цели. Да и вообще, разве можно считать проникновение в дом, который вот-вот сровняют с землей, покушением на право частной собственности?

Бентон перепрыгнул через стену, стремительно пересек заросший сад и укрылся на разрушенной террасе. Убедившись, что все чисто, он нырнул в пустой дверной проем и оказался в обширном прохладном холле. Пахло пылью и старой древесиной. Все ценные вещи из дома вынесли, осталась только никому не нужная сломанная мебель. Бентон быстро обошел первый этаж: гостиная, кухня, внутренний дворик, столовая, комнаты прислуги, кладовые, чуланы, – но не нашел того, что искал. Его это обстоятельство не смутило: он и не ожидал обнаружить предмет своих поисков здесь.

Клайв быстро поднялся по осыпавшейся каменной лестнице на второй этаж. Остановился, выглянул в окно и с тревогой заметил четверых рабочих, продиравшихся через заросли к дому. Надо было раньше приходить! Но Бентон рассудил, что к пяти часам вечера все наверняка отправятся по домам.

На втором этаже он тоже ничего интересного не обнаружил. Старые сундуки разваливались от одного прикосновения, шкафы пусты, а в нескольких гниющих комодах лежали только одеяла и одежда, и то и другое сильно погрызенное крысами, устроившими здесь гнезда. Хромофотографии украшали стены. Несколько штук валялись на полу: рамы разбиты, изображения выцвели и покрылись бурыми пятна-

ми.

Бентон знал, что чердак находится под мавританским куполом, но никак не мог найти лестницу, которая туда ведет. Бродя по дому, он вдруг услышал голоса, эхом разносившиеся по первому этажу. Голоса и грубый смех.

Поднимутся ли рабочие на второй этаж? Ну конечно, а как же иначе? Наверняка им велено в последний раз обойти весь дом и удостовериться, что внутри нет ни ценностей, ни нашедших бесплатное жилье бродяг. А значит, они не пропустят ни одной комнаты.

Бентон вышел в центральный коридор второго этажа. Он шагал медленно, осматривая стены. В старинных гасиендах потайные двери – обычное дело. А вот и она. В нише стоит книжный шкаф. На полках лишь несколько изъеденных червями томов. Благодаря тому что шкаф пуст, зазор по внешнему краю особенно бросается в глаза. Бентон подошел к шкафу сбоку, толкнул его плечом. Как Клайв и надеялся, тот повернулся, открывая вход на лестницу, ведущую вверх. Бентон проскользнул туда и осторожно вернул шкаф в прежнее положение. Главное, чтобы рабочие не заметили. Нет, вроде не должны. Они же наверняка не сообразят, что под куполом чердачное помещение... или сообразят?

Бентон взбирался по крутым ступеням винтовой лестницы. Из-под его ног с писком кинулась прочь не ожидавшая вторжения мышь. Вот Бентон поднялся к дощатому потолку с люком. С трудом откинул крышку. Ржавые петли громко

заскрипели. Бентон замер, прислушиваясь. Топот по-прежнему доносился только с первого этажа. Судя по смеху, рабочие ничего не слышали.

К удивлению Клайва, маленький чердак оказался забит доверху. Чего здесь только не было: мебель, ящики, шкафы, разбитые зеркала, чемоданы, стол для игры в покер на восемь человек и бесчисленное множество безделушек. Бенсон подтянулся, влез внутрь и стал осматривать помещение. Его появление испугнуло стаю голубей, живших в башне на вершине купола. Птицы разлетелись, громко хлопая крыльями. Некоторые из хранившихся на чердаке предметов представляли как минимум небольшую ценность. Должно быть, грузчики, вывозившие мебель, на чердак не заглядывали.

К сожалению, из-за обилия вещей поиски могли затянуться. А деревянный пол такой скрипучий, что трудно не сделать шума. Лучше дожидаться, когда рабочие уйдут.

Бентон сел на пол и напряг слух. Голоса приближались: рабочие поднялись на второй этаж. Снова топот. Сквозь щели просачивался запах сигаретного дыма. Нет, потайную дверь им не найти.

Вот только... Они ее нашли! Бентон напрягся, весь обратившись в слух. Кто-то оживленно воскликнул. Вот несколько человек сразу навалились на книжный шкаф, он повернулся и отъехал в сторону.

Сердце пустилось вскачь. Бентон огляделся по сторонам в поисках укрытия. Можно спрятаться в большом шкафу. Хо-

тя нет, рабочие наверняка заглянут внутрь. Бентон поднял крышку сундука, но тот оказался доверху забит всяким хламом. Спрятаться негде. Бентон в ловушке.

Теперь голоса гулко отражались от стен вокруг лестницы. Но подниматься рабочие не спешили. Похоже, подначивали друг друга: кому хватит смелости идти первым?

Их четверо, а Бентон один. Тут он заметил рядом с люком тяжелый сундук. Отлично! То, что надо. Клайв взялся за угол сундука и подтолкнул к люку. Ларь сдвинулся с места. Раздался оглушительный скрип. Внизу сразу стало тихо.

Пожалуй, сундук слишком легкий. Бентон задвинул на крышку люка еще один, а сверху для верности навалил несколько тяжелых предметов мебели. Судя по молчанию внизу, рабочие слышали каждое его движение. Взгромоздив на люк все, что мог, Бентон опустился на пол и замер в ожидании.

– Эй! – прокричал один из рабочих. – Кто там наверху?

Бентон старался не дышать.

– Я спрашиваю – кто там? – снова прокричал мужчина. – Слезай!

Тишина.

– Мы ждем!

Бентон задержал дыхание.

– Слушай, ты, козел, слезай по-хорошему, все равно вытащим!

Раздался приглушенный удар, потом еще один. Рабочие

пытались открыть люк. Но Бентон свалил на него не меньше двухсот фунтов всякого хлама. Пусть они попробуют сдвинуть эту громаду с места! Бентон слушал, как пыхтят эти бедняги, и его нервозность сменилась весельем. Вскоре рабочие сдались и забарабанили по люку кулаками.

– Ну, ты сам напросился, друг! Сейчас копов вызовем!

«Давайте-давайте», – подумал Бентон. Сюда полиция будет добираться не меньше получаса, а скорее всего, гораздо дольше. Времени на поиски вполне достаточно.

Порадовавшись, что шуметь теперь можно сколько угодно, Бентон принялся лихорадочно откидывать крышки сундуков. Рылся в старой одежде и одеялах, доставал старинные игрушки и комиксы сороковых годов, рассыпавшиеся в руках настольные игры и старые школьные учебники. Перебрал кишевшую червями подшивку журнала «Нэшнл джио-график», старые номера «Лайф», «Стэг», «Сатердей ивнинг пост» и «Бойз оун». Кроме журналов, обнаружились связки газет, самые древние из которых датировались чуть ли не временами золотой лихорадки. Бентон усердно искал, а снизу по-прежнему раздавались стук и угрозы. Тут голоса стали удаляться. Рабочие спускались. Через окно башни Бентон увидел, как они вышли во двор. Один держал телефон – похоже, ловил сигнал.

Бентон продолжил поиски. Быстро, но методично обследовал один угол маленького чердака, потом переходил в другой. Но скоро оптимизма поубавилось. Повсюду один гни-

ющий мусор и ни следа того, что ему нужно. Что, если он ошибся?

И вдруг на дне матросского сундука под стопкой стеганых одеял блеснул металлический ящичек. Еще не открыв крышку, Бентон почувствовал: вот оно. Ящичек заперт, но в петлю замка продет ржавый металлический прут. Воспользовавшись им как рычагом, Бентон сорвал замок и дрожащими от нетерпения руками поднял крышку. Внутри лежала стопка писем, крепко перевязанных бечевкой, а рядом с ними – старый журнал для записей в темно-зеленой тканевой обложке, густо облепленной грязью. Бентон взял журнал и медленно открыл, стараясь держать свою находку как можно бережнее.

На первой странице аккуратным женским почерком выведено краткое заглавие.

У Клайва перехватило дыхание. Это сокровище искали многие. Так, значит, святой Грааль для историков, изучающих эпоху западного расширения⁷, все-таки существует! Пальцы Бентона дрожали от смеси потрясения и восторга. До сих пор он не осмеливался надеяться, что слухи о журнале – правда. Но даже если это не выдумка, рассчитывать, что ему улыбнется удача и журнал найдет именно он, было бы слишком смело. Роясь в сундуках, Бентон ни на что всерьез не рассчитывал. Но – вот он, журнал, в его руках.

⁷ *Западное расширение* – проходившее в XIX веке освоение американского Запада.

Невероятным усилием воли Бентон преодолел желание углубиться в чтение. Для этого у него еще будет полно времени. А сейчас надо срочно уносить отсюда ноги.

Он положил журнал обратно в ящичек и сунул в рюкзак. Снова подошел к окну. Трое рабочих по-прежнему стояли перед домом. Один из них взобрался на расколотый пьедестал, где раньше стояла статуя, и что-то кричал в телефон. Вот гад! Позвонил-таки в полицию!

Бентон стал быстро отодвигать с люка сундуки. Прислушался. А где четвертый? Подкарауливает его? Но в доме тихо. Наконец Бентон поднял люк. Никого. Лестница пуста. Стараясь двигаться как можно тише, Клайв стал спускаться по ступенькам. Книжный шкаф был отодвинут. Бентон выглянул в проем. Посмотрел в одну сторону, потом в другую. В коридоре никого. Направился к главной лестнице. Вдруг из-за угла выскочил четвертый рабочий. Бентон попался в ловушку.

– Вылез, гад! – гаркнул тот и замахнулся кулаком, целя беглецу в живот.

Застигнутый врасплох, Бентон рухнул на пол, извиваясь от боли и отчаянно пытаясь глотнуть воздуха: от удара у него вышибло дух.

– Здесь он! – радостно заорал рабочий. – Я его поймал!

Потом повернулся к пытавшемуся встать Бентону и пнул его ногой в ребра. Такая агрессивность, а главное, удовольствие, с которым рабочий прибегал к насилию, вывели Бен-

тона из себя. Падая на пол, он выронил рюкзак, но теперь Бентон схватил его, поднял над головой и как следует размахнулся. Металлический ящичек внутри стукнул рабочего по темени. Рабочий попятился и тяжело плюхнулся на пол.

– Убью! – взревел он, поднимаясь на ноги.

Но Бентон уже несея прочь с рюкзаком в руках. Слетел по ступенькам, кинулся в заднюю часть гасиенды, выпрыгнул в открытое окно и поспешил к зарослям на берегу реки Бэр. Рабочий преследовал его по пятам. К нему присоединились остальные трое. Однако Бентон, несмотря на неудобу, отличался хорошей физической формой: он много времени провел в горных походах на склонах Сьерра-Невады. Скоро погоня отстала. Ломая ветки, Бентон пробежал между деревьями, съехал вниз по берегу и в туче брызг пронесся по воде к песчаным отмелям. Добравшись до глубокого места, поднял рюкзак над головой и поплыл. Он греб изо всех сил, пока ноги не коснулись песчаного дна. Вылез из воды, повернулся к рабочим. Те выкрикивали угрозы с другого берега.

Бентон показал им средний палец, потом рысцой поспешил к лесу. Там он сделал большой крюк и снова переправился через реку выше по течению. Оттуда нашел дорогу к машине, воспользовавшись GPS-навигатором в телефоне. Клайв с облегчением убедился, что его блестящий кабриолет по-прежнему стоит в укромном месте, никем не обнаруженный. Он запер рюкзак в багажнике и снова выехал на Вайлд-Айриш-роуд. Через восемь миль свернул на автостраду. По

пути встретил две полицейские машины с мигавшими маячками и, не удержавшись, рассмеялся в голос.

Ноябрь

Нора Келли встала и потянулась, разминая затекшие мышцы. Несколько часов подряд она провела, стоя на коленях на голой земле и при помощи мастерков, кирок и кисточек выкапывая четвертую, и последнюю комнату доисторических развалин Пуэбло.

– Пора заканчивать, – обратилась она к своему ассистенту Джейсону Салазару.

Мужчина прервал кропотливую работу над своим квадратным метром участка и встал, отряхивая с джинсов пыль. Потом снял ковбойскую шляпу, вытер лоб платком и снова надел шляпу. Даже в конце осени температура по-прежнему была около пятнадцати градусов.

Нора взяла холщовый бурдюк с водой, висевший на зеркале служебного грузовика института и сделала большой глоток. Само место раскопок выглядело не особо впечатляюще, зато от пейзажей захватывало дух. «Что и говорить, древние жители Пуэбло, выбирая место для постройки домов, всегда придавали живописному виду особое значение», – подумала Нора. Крошечная руина располагалась на возвышенности у подножия Серро-Педерналь, черной столовой горы, прославленной благодаря картинам Джорджии О'Кифф. Громада величественно вздымалась за спиной Норы. Склоны из-

рыты глубокими каньонами, в верхней части растут деревья. А перед Норой раскинулась широкая равнина. Испанцы называют ее Valle de la Piedra Lumbre – долина Светящегося Камня. Видневшиеся вдалеке красные, оранжевые и желтые возвышенности Гост-Ранча и впрямь светились в золотистых лучах послеполуденного солнца.

Нора шла к рабочей станции, и тут ее внимание привлёк спиральный столб пыли, поднимавшийся над дорогой, проложенной к старому урановому руднику и ведущей к месту раскопок. Сзади к Норе приблизился Салазар:

– Интересно, кто к нам едет?

– Понятия не имею.

Они собрали инструменты и отнесли в сборный ангар, расположенный возле их рабочего места и используемый в качестве склада. Через некоторое время показалась машина. Нора и Салазар замерли, наблюдая, как она с трудом преодолела подъем и стала медленно приближаться. Водитель ехал по неровной проселочной дороге осторожно. Теперь Нора разглядела, что автомобиль какой-то классической модели. Он остановился возле грузовика института. Некоторое время водитель выжидал, пока осядет облако пыли. Потом дверца открылась, и наружу вылез высокий тощий мужчина. Густая копна черных волос частично скрывала костлявое, но вполне приятное лицо. Прищулив ярко-голубые глаза, мужчина оглядывался по сторонам. Он был одет в рубашку с самым уродливым узором пейсли, который когда-либо видела

Нора: жуткие фиолетово-оранжевые «огурцы». На вид мужчине под сорок – на несколько лет старше Норы.

– Заблудились? – спросила она.

Взгляд мужчины остановился на ней.

– Да нет. Если вы – доктор Нора Келли, значит приехал куда надо.

– Это я.

– Извините, что нагрязнул без предупреждения. Меня зовут Клайв Бентон.

Мужчина вытащил из автомобиля рюкзак, шагнул к Норе и торопливо пожал ее руку.

– Надо было позвонить, но... – Бентон запнулся. – В институте сказали, что вы здесь, а мобильники в этих местах, похоже, не ловят. Да и вообще, по телефону о подобных вещах как следует не расскажешь...

Нора деликатно прервала это нервное словоизвержение:

– Пожалуйста, присаживайтесь. Выпейте какао.

Она провела Бентона к установленному под навесом столу. Там стоял термос и несколько пластиковых стаканов.

Бентон сел на край стула.

– Что у вас за машина? – спросила Нора, стараясь, чтобы неожиданный гость почувствовал себя непринужденно.

– «Форд-футура» шестьдесят четвертого года, – сразу оживился Бентон. – Сам восстанавливал.

– Не самое подходящее авто для здешних дорог.

– Это точно, – согласился Бентон. – Но у меня к вам дело,

не терпящее отлагательств.

Нора села за стол напротив него:

– Какое?

Бентон глянул на Джейсона Салазара:

– Вопрос строго конфиденциальный.

– Джейсон – помощник куратора в институте. Гарантирую: все, что вы скажете, останется между нами, – заверила Нора. – Секретность – важная часть работы археологов, поэтому не беспокойтесь.

Бентон кивнул. Легкий ветерок ерошил его черные волосы. Нервозность Клайва никуда не делась. Похоже, он не знал, с чего начать. Наконец наклонился, открыл рюкзак и вытащил пластиковую папку с застежкой зиплок. Достал старинный, обернутый бумагой том и почтительно опустил на стол между ними. Осторожно развернул.

– Перед вами оригинал журнала Тэмзен Доннер, – объявил Бентон.

Нора недоуменно уставилась на него. Она в первый раз слышала это имя.

– Кого?

– Тэмзен Доннер, – повторил Бентон, искоса глянув на нее и Салазара. – Жены Джорджа Доннера. Того самого, который возглавлял партию Доннера – группу переселенцев, из-за метелей застрявших зимой в горах Сьерра-Невада и вынужденных прибегнуть к каннибализму.

– А-а, вы про этих Доннеров, – кивнула Нора. – Значит,

журнал представляет историческую ценность?

Нора не понимала, к чему клонит Бентон.

– Не то слово!

За этим заявлением последовала короткая пауза.

– Наверное, я должен ввести вас в курс дела. Я независимый историк, специализируюсь на западном расширении в девятнадцатом веке. А еще так уж получилось, что я дальний потомок некоторых выживших участников партии Доннера – семьи по фамилии Брин. Впрочем, это не важно. Я много лет изучал эту трагедию. Один из немногих фактов, на котором сходятся выжившие, – Тэмзен Доннер вела журнал, куда записывала все подробности путешествия. Историки давно предполагали, что кто-то из уцелевших участников печально известного похода забрал и сохранил ее журнал, но его так и не нашли. И вот теперь... – Бентон эффектным жестом указал на покрытую пятнами, истрепанную книжицу на столе. – Можете его открыть.

Нора с крайней осторожностью подняла обложку и поглядела на титульный лист.

– Видите заглавие? «Тэмзен Доннер. Мой журнал. Двенадцатое октября тысяча восемьсот сорок шестого...» Обратите внимание – вторая дата отсутствует. Миссис Доннер умерла от голода, а потом... – Бентон замолчал, прокашлялся, – была съедена человеком по фамилии Кесеберг.

– Его ведь, кажется, обвиняли в том, что он убил ее, чтобы съесть? – вмешался Салазар.

Бентон повернулся к нему с легким удивлением:

– Да, верно. Вижу, вам знакома эта история.

Салазар пожал плечами:

– Проходили в школе Голета Хай. История неординарная, вот и запомнилась. – Салазар робко улыбнулся. – Думаю, не мне одному.

Нора согласилась.

– Вот только при чем здесь я?

– Мне нужно у вас кое-что спросить.

– Слушаю.

Но вместо того чтобы задать вопрос, Бентон примолк. Затем произнес:

– Во-первых, вы руководили несколькими археологическими раскопками в Сьерра-Неваде. Эти горы вам хорошо знакомы.

– В некоторой степени.

– Во-вторых, вы один из ведущих полевых археологов. Кроме того, у вас есть опыт работы на местах, связанных со случаями каннибализма, включая Квивиру – древний город на скале, который вы обнаружили в Юте.

– Верно.

– Ну а в-третьих, вы работаете официально и при поддержке института.

Нора откинулась на спинку стула:

– Такое чувство, будто вы мне собеседование устроили.

– Работа уже ваша – если согласитесь, конечно. Вы иде-

альная кандидатура для моего проекта.

– Какого проекта?

Манера собеседника ходить вокруг да около уже начинала действовать ей на нервы.

– Сначала вы должны дать слово чести, что все мною сказанное останется между нами – по крайней мере, в ближайшее время.

– Слово чести? Не слишком ли драматично?

– Прошу прощения, – торопливо извинился Бентон. Историк снова занервничал. – Понимаю, как все это звучит со стороны, но как только вы меня выслушаете – сразу поймете, почему я хочу сохранить это дело в тайне. История долгая и, должен предупредить, не слишком приятная.

Нора взглянула на часы. Еще нет половины пятого. До наступления темноты не меньше получаса. Да и приятно посидеть на свежем воздухе. Нора с легкой улыбкой скрестила руки на груди. Бентон говорил с таким пылом, что она невольно была заинтригована.

– Хорошо. Мы вас слушаем.

Клайв набрал полную грудь воздуха, уперся руками в колени и не спеша, размеренно начал рассказ. Он явно знал эту историю наизусть.

– В первый раз я услышал историю о партии Доннера еще мальчишкой, – начал Бентон. – Я вырос в пригороде Сан-Франциско. Как я уже говорил, по материнской линии я состою в дальнем родстве с Бринами, семьей из партии Доннера. Мама рассказывала мне о них в детстве. Меня сразу зацепило. С этого и начался мой интерес к истории. Дело зашло так далеко, что я даже получил докторскую степень в Стэнфорде. Эта трагедия – одна из самых страшных в истории переселения на Запад. Группа мигрантов несет цивилизацию в дикие земли – Калифорнию, – а в результате опускается до неопишемого варварства. Вот так американская мечта оказалась вывернута наизнанку.

Два главных действующих лица этой драмы – Джордж Доннер и его жена Тэмзен. Джордж мыслил с размахом. Ему постоянно не хватало земли. Всю жизнь он стремился расширить свои сельскохозяйственные угодья. Его жена работала учительницей в школе. Миниатюрная, стройная, с манерами и образованием истинной леди. Но под мягкой оболочкой скрывалась женщина строжайшей морали, с четкими представлениями о том, что хорошо, а что плохо. У Доннеров было три дочери и еще две дочери Джорджа от предыдущего брака.

В 1846 году Калифорния входила в состав Мексики. Но

назревала война. Все понимали, что скоро США захватят эту территорию. Доннер увидел шанс, если можно так выразиться, застолбить себе место одним из первых и отхватить большой куш в виде новой плодородной земли. Доннер отличался красноречием и увлек своими идеями брата Джейкоба и его семью.

Весной 1846 года Джордж, Тэмзен и пять их девочек выехали из города Индепенденс, штат Миссури, вместе с большой группой других мигрантов. Партия состояла не из нищих бродяг. Недостатка в деньгах эти люди не испытывали. Караван состоял из обеспеченных, даже богатых переселенцев. В дорогу взяли все самое лучшее. Тэмзен планировала основать женскую школу. Собрала в дорогу книги, учебные принадлежности, грифельные доски, мел, религиозные брошюры, Библии, даже масляные краски и акварель. Джордж загрузил в фургон рулоны бархата, шелка и атласа. Хотел продать за большие деньги жителям Калифорнии. Некоторые везли приличные суммы. Например, человек по имени Джейкоб Волфингер взял с собой сейф с золотом. Собирался купить на него землю, построить дом и открыть свое дело.

Но если не считать богатства, это был обычный караван из повозок. Таких на запад отправлялось множество. Партия Доннера едва ли вошла бы в историю, если бы не одно обстоятельство. В дороге они приняли решение, оказавшееся фатальным. В Вайоминге Доннер и остальные захотели воспользоваться коротким путем, так называемым маршру-

том Гастингса. В то время его активно рекламировал предприниматель Лэнсфорд Гастингс. Доннер и еще человек девяносто проголосовали за то, чтобы воспользоваться новым путем. Остальные участники каравана хотели и дальше следовать проверенным маршрутом и высказались против.

Так караван разделился. Партия Доннера отправилась коротким путем на юго-запад, в Юту. Новый маршрут пролегал через труднопроходимые горы Уосатч. Только тогда Доннер и остальные поняли, что дело нечисто: переход через горы оказался гораздо более тяжелым, чем обещал Гастингс. Но поворачивать обратно было поздно. Спустившись с гор, партия Доннера вынуждена была пересечь пустыню Большого Соленого озера. Переселенцы с трудом продвигались вперед. Чем дальше, тем сильнее они страдали от нехватки воды. Кое-кому из детей давали сосать расплюснутые пули, чтобы хоть как-то отвлечь их от невыносимой жажды. Запасы продовольствия иссякали. Недовольство росло. Вспыхивали конфликты. Индейцы угнали часть волов, а остальных обстреляли из луков. Несколько путешественников тоже были ранены индейскими стрелками, прятавшимися за камнями и деревьями. Один мужчина не мог продолжать путь. Его сняли с фургона и оставили умирать у дороги. И все это время Тэмзен Доннер скрупулезно записывала события в свой журнал.

Когда караван пересекал пустыню на территории современного штата Невада, фургон Волфингера увяз. Осталь-

ные продолжили путь, предоставив ему выкапывать фургон своими силами. Вскоре двое молодых людей, Рейнгардт и Шпитцер, вызвались помочь Волфингеру и вернулись. Мужчины отсутствовали несколько дней. Позже, когда эти двое нагнали караван, они рассказали остальным, что на них напали индейцы и убили Волфингера.

В конце октября мигранты добрались до подножий Сьерра-Невады. К этому времени они сильно отставали от намеченного графика. Начался голод. Но снег в горах еще не лег, и путешественники рассчитывали пересечь их прежде, чем зима окончательно вступит в свои права.

И партия Доннера почти успела. Оставалось меньше дня пути, но внезапно налетела снежная буря. Караван фургонов шел, растянувшись по горной тропе. Метель буквально приковала все повозки к месту. Там они и остались. Пятьдесят девять человек, ехавших впереди, застряли возле озера Траки. Там им и пришлось пережить зиму. Еще двадцать два человека, включая Джорджа, Тэмзен и их пять девочек, оказались застигнуты стихией в шести милях от Траки и разбили лагерь на лугу возле ручья Элдер-крик. Обе эти стоянки позже нашли археологи во время раскопок.

Но в исторических хрониках упоминается еще и третья стоянка, ныне известная как Потерянный лагерь. В него входила маленькая группа поселенцев, замыкавших караван. Кроме прочих, она состояла из Рейнгардта, Шпитцера, семейства по фамилии Карвилл и некоего Альберта Паркина,

бросившего свою семью и отправившегося в Калифорнию за новой, лучшей жизнью. Никто точно не знает, что с ними произошло, но, скорее всего, во время разгула стихии группа сбилась с пути и забрела в тупик, угодив в каньон за устьем реки Литл-Траки. Так они оказались погребены снегом в сердце гор, во многих милях от остального каравана. Некоторые утверждали, что Потерянный лагерь располагался в темной долине, окруженной скалами, куда не проникал свет солнца. Но этот пропавший лагерь настолько оброс легендами, что трудно отделить правду от вымысла.

Как бы то ни было, путники застряли в занесенных снегом горах на несколько месяцев. Снежные бури налетали одна за другой, снега в общей сложности намело двадцать пять – тридцать футов в высоту. Самодельные хижины, кое-как сколоченные путешественниками, завалило. В этих грязных лачугах люди жались друг к другу, пытаясь хоть как-то согреться. Путешественники голодали и начали умирать один за другим. Все припасы закончились. Сначала ели волов и лошадей. Затем добрались до собак. Ну а после этого стали выкапывать промерзшие тела попутчиков. Срезали мясо и готовили на огне. Вынимали органы: ели печень, сердце, кишки, легкие. Ломали кости и высасывали костный мозг. Разбивали черепа, вытаскивали мозги. А когда всего этого больше не осталось, варили бульон из костей.

Бентон на некоторое время замолчал. Поерзал на стуле, поглядел на далекий горизонт. Нора и Салазар молчали.

– Должен сказать, каннибализмом занимались отнюдь не все. Многие отказывались есть человеческое мясо. Историки по сей день спорят, сколько участников партии Доннера стали каннибалами. Чем больше путешественников умирало от голода, тем больше источников пищи появлялось у живых. Практически невозможно представить, что пережили эти люди – день за днем, неделю за неделей, без всякой возможности выбраться из этих страшных лагерей. Душные, тесные лачуги до отказа забиты мужчинами, женщинами и детьми. Воздух настолько загрязнен парами испражнений и запахом гниющей человеческой плоти, что им едва можно дышать. От отчаяния отряд из пятнадцати мужчин наконец вызвался пересечь горы, дойти до Калифорнии и привести помощь. Выжили всего семь человек – и то лишь потому, что съели своих спутников, умерших по дороге.

В феврале прибыла первая спасательная экспедиция. Их взглядам представились кошмарные сцены, едва укладывавшиеся в голове. Один из спасателей позже описывал, как наткнулся на детей, сидевших на полене. С перемазанными кровью лицами они ели полусырые печень и сердце родного отца. Вокруг них были раскиданы другие части тела.

Эта первая экспедиция смогла спасти всего нескольких человек. Спасатели и сами едва не умерли от голода, добираясь до попавших в снежную ловушку путешественников через горы Сьерра-Невада. Когда экспедиция достигла места назначения, Тэмзен и Джордж Доннер были еще живы,

но Тэмзен отказалась покидать умиравшего мужа: у Джорджа загноилась рука. Вторая спасательная экспедиция вывела еще больше людей, а за ней пришла третья. Но Тэмзен упорно не желала оставлять Джорджа, даже когда забирали ее детей.

Приблизительно в это время в лагере Доннеров возле Элдер-крика объявился мужчина по имени Эшер Бордмен. Это случилось в конце февраля. Он бежал из Потерянного лагеря, и, судя по его отрывочным словам, там разыгралось настоящее каннибальское безумие. Бордмен был странствующим проповедником. Сказал, что спасся бегством после того, как его собственная жена Эдит попыталась убить и съесть его. Несколько дней спустя Бордмен скончался от голода и изнеможения. Примерно в это же время прибыла третья спасательная экспедиция.

Обо всех этих событиях – и не только – Тэмзен писала в своем журнале.

Наконец в апреле до партии Доннера добралась четвертая, и последняя экспедиция. Но после третьей умерло еще много народу, и каннибализм даже усилился. Зрелище, представшее взору последних спасателей, оказалось еще более шокирующим, чем предыдущие. В лагере на Элдер-крике не нашли никого живого. Джордж Доннер был мертв. Его тело лежало в тающем снегу, разрезанное и частично расчлененное. Череп был разбит, мозги отсутствовали. Однако Тэмзен найти не удалось. Спасатели отправились в примитив-

ный лагерь поблизости, где нашли всего одного выжившего, мужчину по фамилии Кесеберг. Рядом с ним обнаружили сковороду, на которой жарились человеческая печень и легкие. Под настойчивым допросом Кесеберг признался, что это останки Тэмзен. По словам Кесеберга, он ел ее тело неделями, а печень и легкие – единственное, что от него осталось.

Короче говоря, четвертая экспедиция эвакуировала последних выживших. История партии Доннера стала легендой. Ее пересказывали, перепечатывали, добавляли сенсационные подробности – исказили практически до неузнаваемости. К ней возвращались снова и снова.

И вот теперь объясню, зачем я приехал к вам. Как я говорил, обнаружили два основных лагеря – возле озера Траки и возле Элдер-крика. Но Потерянный лагерь так и не нашли. Его посетил только один член третьей спасательной экспедиции. Нам даже неизвестно, что именно он там обнаружил, но после этого возвращаться отказался. Как ни ужасно было положение в двух главных лагерях, случившееся в Потерянном лагере оказалось хуже – намного хуже. Спасатель привел только одного выжившего, но тот находился в бреду и вскоре умер, так и не приходя в сознание.

Эти отрывочные упоминания о Потерянном лагере не давали мне покоя. Полдесяток лет я искал, утыкаясь в один тупик за другим, снова и снова бредя по ложному следу. А потом я поставил себе главную цель – отыскать журнал Тэмзен. Разумеется, появлялось много сенсационных статей в

газетах, писем, историй из вторых рук, достоверность которых весьма сомнительна. Но этот важный основной источник пропал почти на двести лет. Все полагали, что его оставили гнить на лесной земле вместе со многими другими вещами. Думая, что журнал утрачен, никто из историков не предпринимал систематических попыток его разыскать. Подробности опушу, но мое терпение наконец оказалось вознаграждено, и даже дважды. Во-первых, я сумел отыскать журнал – причем как раз вовремя. А во-вторых, в нем не только обнаружился список всех застрявших в Потерянном лагере, но и инструкции, как туда добраться. Эшер Бордмен – тот самый мужчина, сбежавший оттуда, – перед смертью сообщил эти сведения Тэмзен. Кроме того, в ее журнале записаны путевые ориентиры. Также обнаружил нарисованную от руки карту. На ней обозначено расположение всех трех лагерей. У Потерянного лагеря особенно дурная репутация. Возможно, мы так до конца и не узнаем, что за ужасы там происходили. Но теперь у нас есть карта, указывающая туда путь.

Бентон снова выдержал паузу и подался вперед:

– Вот эту работу я вам и предлагаю: возглавить экспедицию к Потерянному лагерю.

29 ноября

Ассистент открыл дверь, и Нора шагнула в кабинет доктора Джилл Фьюджит, главы Института археологии в Санта-Фе. Клайв Бентон шел следом. Кабинет хоть и небольшой, но теплый и уютный. Норе всегда казалось, что обстановка здесь очень гостеприимная. Пол, выложенный старинной испанской плиткой, стены из кирпича-сырца, маленький камин. Окна вдоль дальней стены смотрят на сад, весь белый после ночного снегопада. Противоположную стену украшает ковер «Two Grey Hills» двадцатых годов. На полке выставлены в ряд ольяс⁸ конца девятнадцатого века, изготовленные индейцами племени зуни.

Доктор Фьюджит подняла голову от пачки бумаг, встала и пожала посетителям руки. Ее нарядный костюм, сшитый на заказ, длинные светлые волосы и врожденное чувство стиля совершенно не вязались со стереотипным образом занудной, скучной женщины-ученого, поэтому Нора втайне ею восхищалась. Должность президента института освободилась несколько лет назад, и назначение на нее Фьюджит было спорным решением, однако помог ее безупречный послужной список, а острый ум и порой саркастичная мане-

⁸ *Ольяс* (от исп. ollas – горшки) – керамические широкогорлые горшки с ручками.

ра общения казались глотком свежего воздуха после череды невнятно бубнивших что-то себе под нос «ископаемых», занимавших этот кабинет раньше. В институте уже стали заметны ощутимые результаты ее деловой хватки и способности добиваться достойного финансирования проектов.

– Рада вас видеть, Нора, – деловым тоном произнесла доктор Фьюджит. – А вы, должно быть, доктор Бентон? Приятно познакомиться. Пожалуйста, садитесь.

Она указала на кресла по обе стороны от камина. Сама доктор Фьюджит снова заняла свое место за столом и устремила на посетителей пристальный взгляд – доброжелательный, но испытующий.

– Кто-нибудь хочет кофе или чая?

Одним из преимуществ работы в старой части института было наличие здесь специальной службы, обеспечивающей сотрудников кофе.

Фьюджит взяла с верха стопки папку из манильской пенки, пододвинула к себе и открыла.

– Итак, доктор Бентон. Вижу, вы выпускник Стэнфорда.

– Там я получил докторскую степень. А диплом – на востоке.

– Стэнфорд – и моя альма-матер тоже. Но давайте сразу перейдем к делу. Я прочла отчет, подготовленный вами совместно с доктором Келли. – Доктор Фьюджит выдержала паузу. – Разумеется, я знала о трагической судьбе партии Доннера и немного знакома с результатами ранних археологиче-

ских раскопок на месте двух основных лагерей. Но подробности, которые вы описываете, на удивление яркие и живые, особенно когда речь идет о так называемом Потерянном лагере – месте, где люди, похоже, находились в еще более отчаянном положении, чем их попутчики, и терпели страшные лишения. – Доктор Фьюджит захлопнула папку. – Не могу не обратить внимание на ваш вариант написания имени миссис Доннер. Она, пожалуй, является центральной фигурой этой трагедии; миссис Доннер – одна из участников партии Доннера, чьи судьбы чаще всего изучают историки, но, насколько я помню, ее всегда называют Тэмсен.

– Верно. Мать миссис Доннер звали Тэмесин, именно это имя она и получила при рождении. Однако сама миссис Доннер предпочитала называть себя Тэмзен, а я стараюсь уважать ее пожелания.

– Разумеется.

Повисла короткая пауза.

– Итак, доктор Бентон, вы хотите, чтобы институт спонсировал поиски Пропавшего лагеря, а затем раскопки на месте его нахождения.

– Именно. Я историк, а не археолог. Практически на сто процентов уверен, что Потерянный лагерь располагается на территории Национального заповедника Тахо, то есть на федеральной земле, а значит, для проведения раскопок потребуются государственное и федеральное разрешения. Престиж и репутация вашего института очень помогли бы их по-

лучить. – Бентон выдержал паузу. – Уверен, доктор Келли – идеальная кандидатура на должность начальника экспедиции.

Доктор Фьюджит продолжала смотреть на него все так же пристально. Нора, как всегда, не могла разгадать, что означает выражение ее лица.

– Что ж, как я уже сказала, ваша добросовестность при подготовке отчета достойна уважения. Я долго размышляла над вашим предложением, но, полагаю, в настоящее время этот проект нам не подходит.

Такой категоричный отказ застал Нору врасплох.

– Но почему? – спросила она несколько более эмоционально, чем собиралась.

– Во-первых, на месте двух других стоянок уже проведены тщательные раскопки. Ну сами посудите, что нового вы обнаружите на третьей?

Нора набрала полную грудь воздуха:

– Доктор Фьюджит, последние раскопки завершились больше двадцати лет назад. За это время технологии ушли вперед, и особенно – извлечение ДНК.

– Мне известно о новых технологиях.

– Конечно. Извините. – Нора привыкла иметь дело с отставшими от прогресса бюрократами. – В таком случае вы прекрасно понимаете, что на месте новых раскопок мы, возможно, наконец сумеем идентифицировать человеческие останки. Установим личности этих людей, узнаем, кто когда

умер и кто кого... – Нора запнулась, пытаясь выразить свою мысль поделикатнее, – употребил в качестве пищи.

Тут прибыла работница кофейной службы. Старенькую тележку толкала Джонс, сотрудница института с пятидесятилетним стажем работы. На тележке стояли электрический кофейник с подогревом, чашки, сливочник, сахарница и лежал чуть вялый виноград «дамские пальчики». Беседу пришлось ненадолго прервать.

– По-вашему, спустя столько лет этот вопрос представляет практическую важность для науки? – поинтересовалась Фьюджит. – Несмотря на то что доказательства доктора Бентона весьма убедительны, они еще не гарантируют, что Потерянный лагерь удастся обнаружить. Но в любом случае дело упирается в денежный вопрос.

Нора предвидела, что эта тема всплывет. Десять лет назад институт столкнулся с финансовыми трудностями. Теперь, когда у руля встала Фьюджит, необходимость считать каждый цент отпала – во многом благодаря тому, что президент очень экономно расходовала бюджет.

– Верно, до нынешнего дня Потерянный лагерь считался... э-э-э... потерянным, – проговорила Нора. – Но открытие доктора Бентона меняет ситуацию. Согласно всем доступным свидетельствам, одиннадцать человек, застрявших в каньоне, подверглись крайне нетипичным социологическим и психологическим изменениям. Для института это уникальный шанс. Сенсационные раскопки, которые, вне

всякого сомнения, будут широко освещены средствами массовой информации.

Фьюджит повернулась к Бентону:

– Доктор Бентон, возможно, у вас есть хоть какие-нибудь гранты? В вашем отчете ни о какой финансовой поддержке не упоминается.

– Честно говоря, нет.

– Может быть, вы планируете подать заявку на грант?

– Нет.

– Подождите, – вмешалась Нора. – Конечно планируем, но сначала нам нужно одобрение института.

Фьюджит не сводила глаз с Бентона.

– Только не говорите, что рассчитывали на финансирование от института.

– Увы, именно на это и рассчитывал.

Нора нахмурилась. Бентон вот-вот загубит всю затею на корню. Но не успела она вставить хоть слово, чтобы попытаться исправить ситуацию, как он произнес:

– Есть еще одно обстоятельство, которое я в отчет не включил.

Фьюджит опустила блюдо на стол.

– И какое же?

– Эту часть истории лучше не предавать гласности. Сейчас поймете почему.

Фьюджит ждала, скрестив на груди руки.

– Как я указал в отчете, человек по фамилии Волфингер

вез в Калифорнию сундук золота.

– Помню.

– Тогда вы наверняка помните и то, что фургон Волфингера застрял во время перехода через пустыню Большого Соленого озера. Двое молодых людей, Рейнгардт и Шпитцер, вернулись, чтобы помочь ему откопать фургон. Потом оба догнали партию и заявили, что Волфингера убили индейцы.

– Да-да, – кивнула Фьюджит, скрывая растущее нетерпение.

– Так вот, молодые люди солгали. Участники партии с самого начала подозревали, что дело нечисто. К Рейнгардту и Шпитцеру относились с большим подозрением, и впоследствии эти двое общались только между собой. Остальные их сторонились. Когда Рейнгардт умирал от голода в Потерянном лагере, на смертном одре он признался: с Волфингером расправились не индейцы. Рейнгардт и Шпитцер вернулись, убили Волфингера и забрали его золото. – Бентон выдержал паузу. – Все это исторические факты, ставшие известными более ста лет назад, но, как ни удивительно, до сих пор никому в голову не пришел закономерный вопрос: куда подевалось золото?

– Пожалуйста, продолжайте.

– Наверняка молодые люди перетаскивали сейф в свой фургон и спрятали его там. Вместе с золотом они поднялись в горы Сьерра-Невада, но там караван завяз в снегах. Поскольку среди других путешественников эти двое были отщепенца-

ми, пришлось им строить хижину своими силами, да еще и на удалении от остальных. Там они и умерли от голода. Никто не сообщал о том, что нашел золото и вынес его из лагеря. Естественно, возникает вопрос: где оно?

Повисла долгая пауза.

– Хотите сказать, что золото и сейчас спрятано где-то неподалеку от Потерянного лагеря? – уточнила Фьюджит.

– Совершенно верно. Очевидно, рядом с примитивной хижинкой, которую Рейнгардт и Шпитцер сколотили из досок от своего фургона.

Нора во все глаза уставилась на Бентона. Она была одновременно и удивлена, и рассержена.

– Почему вы раньше не сказали?

– Извините, но в такой ситуации предосторожностей много не бывает. Представьте, что начнется, если о кладе станет известно. Во время снежного плена Рейнгардт и Шпитцер наверняка спрятали сейф. По глубоким сугробам они бы далеко не ушли. Поэтому думаю, что золото спрятано рядом с их хижинкой.

Фьюджит вопросительно взглянула на Бентона:

– Откуда у вас эти сведения?

– Никому, кроме меня, в голову не пришло исследовать этот вопрос. Я изучил старые банковские книги там, где жил и работал Волфингер. В подвале Исторического общества, в старинной книге из Первого сберегательного банка города Спрингфилда, штат Иллинойс, я обнаружил страницу с да-

той за шесть дней до отправления каравана. Там указано, что из банка забрали крупную сумму десятидолларовыми «золотыми орлами» «Голова Свободы». Все деньги прямо с монетного двора в Филадельфии – отчеканены в тысяча восемьсот сорок шестом году, в широкое обращение не поступали.

– И какова же сумма?

– Тысяча долларов.

– А в банковской книге указано, что деньги снял именно Джейкоб Волфингер? – уточнила Нора.

Она до сих пор была задета тем, что ее держали в неведении.

– Нет, имени клиента не разобрать. Страницу погрызла чешуйница. Но у меня есть косвенные доказательства.

Бентон полез в карман пиджака и достал старый лист бумаги из архива, заламинированный в целях сохранности.

– В соседнем картотечном шкафу я наткнулся на письмо из Первого сберегательного банка, адресованное Волфингеру. Дата – следующий день после снятия крупной суммы. Сотрудники банка выражали надежду, что снятие средств было произведено на высоком профессиональном уровне и клиент остался доволен их услугами, а также благодарили за то, что он выбрал именно их.

Бентон протянул письмо Фьюджит. Та внимательно просмотрела его, затем передала Норе.

– Очень любопытно, – произнесла Нора, возвращая письмо Бентону. – Но это еще не значит, что тысячу долларов

«золотыми орлами» снял именно Волфингер. Может быть, речь шла о снятии нескольких сот долларов.

– Все возможно, – ответил Клайв. – Но посудите сами. Банк маленький, и операции такого масштаба там наверняка производились редко. Для того чтобы все устроить, потребовалось время. Вероятно, пришлось везти деньги из Чикаго или даже из Филадельфии. Волфингер был очень богатым человеком. Собираясь переезжать в Калифорнию, он обратил в деньги свою процветающую ферму и бизнес. Учтите, банковская компания «Уэллс Фарго» тогда еще не появилась. Волфингер не мог просто перевести нужную сумму в Сакраменто. В те времена деньги возили с собой. Десять золотых долларов тогда принимали везде: они были тем же, что в наше время стодолларовая банкнота для наркодилеров. – Клайв подался вперед. – Таким образом, нам известно, что перед отбытием каравана с банковского счета сняли золотых монет на сумму в тысячу долларов. Мы знаем, что Волфингер снимал деньги в том же самом банке. Согласно источникам, Волфингер вез в Калифорнию сейф с золотом. – Клайв широко раскинул руки. – Какие еще нужны доказательства?

Он с довольной улыбкой откинулся на спинку стула.

– Значит, всего у Волфингера было десять тысяч долларов, – пробормотала Фьюджит. – В тысяча восемьсот сорок шестом году это была огромная сумма.

– Да. А представьте, сколько эти золотые монеты стоят теперь! Речь ведь идет не о ликвидационной стоимости этих

долларов, а об их нумизматической ценности. Один «золотой орел», не бывший в обращении, со степенью сохранности MS-шестьдесят или выше, отчеканенный в середине сороковых годов девятнадцатого века, сейчас стоит от пятнадцати до двадцати тысяч долларов. Иными словами, где-то в Потерянном лагере или неподалеку от него спрятан сейф с золотыми монетами общей стоимостью до двадцати миллионов долларов.

Бентон умолк. Ошеломленные слушательницы тоже молчали. Наконец президент института нарушила паузу:

– Все это прекрасно, но если институт произведет раскопки и обнаружит золото, кому оно будет принадлежать?

– Любые артефакты, обнаруженные в результате легальных раскопок, проводимых организацией, имеющей статус некоммерческой, согласно статье 501(с)(3) Налогового кодекса, обычно становятся собственностью данной организации.

– То есть золото поступит в наше распоряжение?

– Это спорный вопрос. Штат Калифорния заявит права на клад как на часть своего исторического наследия. Федеральное правительство тоже захочет его заполучить на том основании, что клад будет найден на федеральной земле. Потомков Волфингера я не обнаружил, а значит, на этот счет можно не беспокоиться.

– Подобные ситуации мне знакомы. Даже без наследников влезем в жуткие дразги.

– Да, но, доктор Фьюджит, – Бентон подался вперед, – вот тут-то и пригодится блестящая репутация института. В процессе получения разрешения на археологические раскопки институт заранее – да, заранее! – договорится о том, как будут распределены любые обнаруженные ценности. Эта договоренность будет внесена непосредственно в разрешения. Благодаря репутации института никто не станет возражать, чтобы львиная доля досталась вам. Институту же нужно увеличивать бюджет. Финансировать важные исследования. Повышать зарплаты. Если институт предложит треть Калифорнии, треть – Дядюшке Сэму и треть оставит себе, никому и в голову не придет спорить. – Клайв понизил голос. – Другими словами, гранты для финансирования этой экспедиции не понадобятся.

– Тем не менее мероприятие дорогостоящее, а успех не гарантирован.

– Если институт сочтет, что затея слишком рискованная, я пойму. В нашей общей альма-матер, Стэнфорде, действует археологическая программа мирового уровня, и в Беркли тоже.

Фьюджит нахмурилась. Нора понимала: президенту института не понравится, что ее шантажируют. Прямота Бентона застала врасплох и ее саму.

– Уверена, деньги найдутся, – резко произнесла президент. – Вот только какое место в вашей схеме распределения доходов занимаете вы?

Бентон рассмеялся:

– Иными словами, сколько золота я потребую себе? Нисколько. У меня в этом деле чисто научный интерес. Мечтай я о золоте, поднялся бы в горы один, отыскал клад, и никто бы об этом не узнал.

– Похвально, – сухо произнесла Фьюджит. – А вдруг кто-то уже так сделал, причем много лет назад?

– В таком случае возникло бы подозрительно большое число не бывших в обороте «золотых орлов» тысяча восемьсот сорок шестого года. К тому же никто не знал, где располагался Потерянный лагерь, но теперь благодаря Тэмзен Доннер и ее журналу мы разгадали эту загадку.

После короткой паузы Фьюджит захлопнула папку.

– Институт принимает ваше предложение и берет на себя все расходы по организации экспедиции. Нора, если вы согласны, должность руководителя раскопок ваша. А вы, Клайв... можно просто по имени?... будете главным историком. Вопрос с разрешениями мы уладим. Все нужно подготовить за зиму, для такой масштабной экспедиции это очень малый срок.

Фьюджит встала и пожала руки обоим посетителям.

– Доктор Бентон, я хотела бы поговорить с Норой наедине.

– Разумеется.

Клайв улыбнулся им обоим, повернулся и вышел из кабинета.

Когда дверь за ним закрылась, Фьюджит и Нора снова се-

ли на свои места. Фьюджит поглядела на Нору:

– Очень интересное предложение.

Манера президента оставалась формальной, но в глазах поблескивали задорные искорки.

– Спасибо. Рада, что вы так считаете.

– Как обстоят дела с руинами Пуэбло возле Серро-Педер-наль?

– Полностью раскопали последнюю комнату. Ее обнаружение задокументировано. Осталось только внести в каталог черепки и артефакты. А дальше – одна лабораторная работа.

– А как насчет поселения возле Национального монумента Бандельер?

– С ним мы закончили. Передала этот проект отделу древностей. Они сейчас улаживают юридические вопросы.

Президент устремила на Нору испытующий взгляд:

– Я на этой должности уже почти два с половиной года. За все это время вы ни разу не брали отпуска. Носа из-под земли не показывали.

– Я просто люблю свою работу.

– И это единственная причина?

– Да.

Ее голос прозвучал резче, чем хотелось бы.

– Не подумайте, что сую нос в чужие дела. Но мне известны ваши обстоятельства. Рада, что вы любите работу, но полностью растворяться в ней, прячась от жизни, тоже не дело.

Нора молчала.

– Эта экспедиция не прогулка в парке. Сьерра-Невада – суровые, опасные горы. Тед Куртин, например, спит и видит, чтобы его отправили на раскопки такого масштаба. Подобный опыт был бы ему очень полезен. Если хотите, можете поручить всю полевую работу ему, а сами пока отдохните. Будете руководить раскопками дистанционно. Подключитесь, только когда...

– Доктор Фьюджит, – перебила Нора, – искренне благодарна вам за заботу. И Теду Куртину желаю, чтобы его поскорее взяли на научную стажировку. Но Клайв Бентон обратился лично ко мне. Не знаю, как он отнесется к тому, что я свалю раскопки на кого-то другого. И, откровенно говоря, я вовсе не прячусь от жизни – археология и есть моя жизнь. Для меня ничто не может быть увлекательнее, чем разыскать Потерянный лагерь партии Доннера. Подготовка к экспедиции будет идти всю зиму, за это время и отдохну. Мне ведь не придется ночей не спать.

Фьюджит слушала молча.

– Знаю, о каких моих обстоятельствах вы говорите. Но это не имеет значения. И, цитируя ваши слова, очень ценю, что у вас нет привычки лезть в чужие дела.

Президент едва уловимо вскинула брови. На секунду в кабинете повисла тишина. Наконец Фьюджит кивнула.

– Как скажете, – деловым тоном произнесла она. – Удачи в подготовке, доктор Келли.

29 марта

– Агент Свонсон?

Никто в вытянутом гулком помещении, когда-то бывшем величественным залом, а теперь поделенном на соты офисных боксов, не отозвался. Ответом был только низкий гул электронного оборудования и постукивание пальцев по клавиатуре.

– Агент Свонсон!

Коринн Свонсон резко вскинула голову и уронила бумаги на стол.

– Да? – откликнулась она.

Голос принадлежал Роберту Ванто. Он высунул голову из бокса в дальнем конце «тюремного блока» – так прозвала место своей работы Корри. Блондинистый кок Роберта мог бы сделать честь актеру из массовой фильмы «Неприкасаемые».

– Значит, слышишь хорошо. А я уж боялся, что оглохла, как те глухие дела, которые ты изучаешь.

– Пока нет.

Ванто проработал здесь всего на полгода дольше Корри, но, с тех пор как дослужился до класса GS-11, взял привычку небрежно козырять опытом – во всяком случае, пока старших агентов нет поблизости.

– Просто хотел сказать, что пищу доставили. Сегодня обедаем в конференц-зале «Б».

– Спасибо. Ты иди, я догоню.

Мало того что Ванто корчит из себя умудренного опытом аксакала, похоже, он вдобавок подбивает клинья к Корри.

Она собрала бумаги – свидетельские показания жертв грабителя банка, три года назад сеявшего страх от одного конца автомагистрали I-25 до другого, – и опять попыталась сосредоточиться. Потом повернулась к клавиатуре и стала печатать краткий отчет. Впрочем, добавить было особо нечего. Корри успела выучить это дело наизусть: больше ничего нового и важного к нему не припишешь. За два месяца преступник обчистил пять банков. Два кассира ранены, погибших нет. Нарушитель закона учел наличие камер видеонаблюдения и заходил в учреждения в разных ковбойских шляпах. Под них надевал балаклаву, которую опускал на лицо сразу же, на пороге. В общей сложности украдено шестьсот девяносто четыре тысячи долларов. В последний раз он был в Третьем Национальном банке в Аламогордо, возле резервации индейцев племени мескалери. Ни документов, ни номеров машин: зацепиться не за что. Единственное, на чем сходились все свидетели: мужчина белый, моложе сорока. Разведывательное сообщество доложило, что парень пересек мексиканскую границу, но даже этой информации уже два года.

Свонсон убрала руки с клавиатуры, аккуратно собрала со

стола бумаги и со вздохом убрала в папку с делом. Что за горькая ирония! Она не откликнулась на призыв Ванто с первого раза, потому что до сих пор не привыкла, чтобы к ней обращались «агент».

Спецагент Свонсон. Как давно она мечтала, чтобы ее называли именно так! Эта мечта привела ее из городка Медсин-Крик, штат Канзас, в Колледж уголовного права имени Джона Джея в Нью-Йорке. За этим последовала обязательная стажировка – в ее случае год службы помощником инспектора по надзору за освобожденными условно-досрочно в Гудзон-Вэлли. И наконец – Академия ФБР в Куантико, где Корри проходила двадцатинедельный курс подготовки. Все это время – нескончаемые упражнения и тренировки. Она снова и снова продиралась через полосу препятствий под зимними дождями, превращавшими землю в обледеневшую грязь, отрабатывала стрелковые и боевые навыки в городке Хоганс-Элли, напоминавшем декорацию голливудского блокбастера, доводила до совершенства контролируемые заносы и объездные маневры: казалось, она готовилась в автокаскадеры, а не в агенты ФБР. И Корри получала от всего этого удовольствие: наслаждалась каждой грязной, утомительной, напряженной минутой. И все потому, что эти минуты приближали ее к мечте – стать специальным агентом.

И вот наконец – долгожданный выпуск. Присяга, выдача жетонов и удостоверений. Никогда в жизни Корри не испытывала такой гордости. Кто ожидал такого от Корри Свон-

сон – любительницы сквернословить, девчонки-гота с фиолетовыми волосами, современной «бунтарки без причины», выросшей в захудалом городишке посреди прерии? Мамаша, естественно, церемонию посетить не соизволила – наверное, опять напилась. А еще очень жаль, что человек, который подтолкнул ее к этому профессиональному пути, специальный агент Алоизий Пендергаст, не смог прийти... Зато там был ее отец. Джек сиял от гордости, хотя в окружении стольких людей, обладающих правом на осуществление ареста, явно чувствовал себя не в своей тарелке.

А потом все закончилось, не начавшись. Корри выдали служебное оружие – «Глок-19М» – и четыре магазина на пятнадцать патронов с подавателями из оранжевого пластика, а также несколько коробок «Винчестер-PDX1» и экспансивных пуль +P 124-grain и отправили в новую жизнь.

Знать бы, что это будет за «новая жизнь»! Каждое утро ровно в восемь тридцать она являлась на службу в региональный офис ФБР по адресу: 4200 Люкинг-Парк-авеню Северо-Восток, Альбукерке, штат Нью-Мексико. Там она занималась исключительно административной работой. Корри представили наставнику – старшему специальному агенту Хэлу Морвуду. Именно ему предстояло учить ее, следить за ее работой, объяснять внутреннюю кухню, оценивать результаты труда... и, похоже, развеивать ее радужные мечты.

Уже три месяца Корри только и делала, что составляла отчеты по старым глухим делам и работала с сотрудником по

вопросам общественной информации с целью налаживания связей с местным населением. Время от времени ради разнообразия ее прикрепляли к технической оперативной группе, чтобы она наблюдала, как они устанавливают новые полюсные камеры.

Нет, совсем не этого ждала Корри. Не может быть, чтобы испытательные сроки всех выпускников Куантико проходили вот так. Работы хуже представить себе невозможно! Вернее, так считала Корри, пока Морвуд не взял ее с собой в региональный офис возле границы в Фармингтоне, штат Колорадо. И если Альбукерке – уродливая, пыльная, глухая задница, то Фармингтон – воспаленный чирей на этой заднице. Если Корри когда-нибудь переведут в подобное местечко, она и сама, чего доброго, начнет грабить банки.

Из конференц-зала «Б» доносился низкий гул голосов. Там ее молодые коллеги весело болтали за обедом. Но Свонсон была не голодна. Она все поглядывала на кабинет Морвуда. Дверь закрыта, стеклянная стена, как всегда, завешена бежевыми виниловыми жалюзи, опущенными до пола. Морвуд разговаривает по конференц-связи: оперативное совещание проводят каждую неделю. Корри глянула на часы: заседание вот-вот закончится. Она набрала полную грудь воздуха. А потом, как Корри и предвидела, дверь открылась и вышел Морвуд, на ходу натягивая синий пиджак. Уголком глаза Корри наблюдала, как он скрылся в лабиринте боксов. Маленького роста, хорошо за сорок, слегка полноват, рыжие

волосы заметно редеют. При первой встрече Свонсон пришло в голову, что Морвуд больше похож на проводника поезда, чем на наставника молодых агентов ФБР. Но, понаблюдав за его работой пару месяцев, Корри изменила мнение. Этот человек себе на уме, а кажущиеся сонными карие глаза светятся хитрым, живым умом.

Вот Морвуд возвращается с чашкой свежесваренного кофе в руке. Все идет по расписанию. Это значит, что следующая встреча у него назначена не меньше чем через пятнадцать минут. Сделав еще один глубокий вдох и набравшись храбрости, Свонсон взяла папку, встала из-за стола и покинула свой бокс.

Морвуд усаживался за стол и сыпал в кофе сахарозаменитель. При виде Корри кивнул:

– Добрый день, Свонсон.

– Добрый день, сэр. Можно с вами поговорить?

Он кивком указал на один из двух одинаковых стульев у стеклянной стены:

– Пожалуйста.

Корри села и положила папку на колени. Что-то в отстраненном взгляде Морвуда всегда заставляло ее чувствовать себя некомфортно, будто у нее волосы растрепались, или блузка надета наизнанку, или из-под ворота торчит этикетка. Вот что бывает, когда столько лет ходишь исключительно в рваных джинсах и практически неотличимых друг от друга черных футболках. Руки сами потянулись разгладить юбку,

но Корри сдержалась.

– Я закончила отчет по ограблениям на автостраде двадцать пять, сэр.

Морвуд сделал крошечный глоток.

– Что-нибудь достойное внимания?

Свонсон помедлила. С одной стороны, не хотелось показаться нерадивой сотрудницей, а с другой – ей уже надоело, что на нее сбрасывают все безнадежные дела.

– Нового развития дело не получило. Я еще раз говорила с кассирами и сотрудниками банков. Проверяла – вдруг они вспомнили новые подробности? Посмотрела записи камер видеонаблюдения. Даже воспользовалась нашей новой программой распознавания, но результатов никаких. Правда, когда повысила качество изображения, хорошо разглядела одну из ковбойских шляп преступника и смогла установить ее бренд. Но продукция этого производителя в свое время была очень популярна в Техасе, Нью-Мексико и Аризоне, а недавно он обанкротился. Это направление расследования ничего не дало.

– Не было новых ограблений с таким же почерком?

– Нет, сэр. Этот вопрос исследовала детально. Изучила все случаи и к северу, и к югу от границы. Ограблений банков за последнее время произошло много, но ни одного полного совпадения.

– Ясно. Вы хорошо поработали, Свонсон. Пришлете отчет?

– Да, только проверю кое-какие детали.

Морвуд кивнул, начал что-то говорить, но вдруг полез в карман, вытащил платок и успел прикрыть рот как раз перед тем, как зашелся в резком, хрипящем кашле. Свонсон вежливо ждала, когда приступ закончится. Морвуд был для нее загадкой. Слухов о начальнике до Корри доходило много. Говорили, в свое время он считался одним из лучших чикагских агентов. Одними выданными ему благодарственными грамотами можно было забить целый ящик стола. Некоторые утверждали, что неторопливые, вялые движения Морвуда и взгляд из-под полуопущенных век – всего лишь маскировка. Другие говорили, что во время погони за подозреваемым на территории завода по производству красок в Гэри с Морвудом произошел несчастный случай. В результате серьезно пострадали и его легкие, и многообещающая карьера. Как бы то ни было, сейчас этот человек, явно обладающий острым умом и богатым опытом, отрабатывал обязательные двадцать лет стажа, готовя новых агентов в качестве офицера-наставника.

Он сунул платок обратно в карман пиджака.

– Вы еще чего-то хотели, агент Свонсон?

Вот он, решающий момент. Корри собралась с духом:

– Сэр, это уже пятое дело, которое я пересматриваю.

Морвуд кивнул:

– Ваши добросовестность и результативность неуклонно прогрессируют.

– Спасибо.

До чего трудно продолжать, услышав комплимент!

– Сэр, конечно же, я ценю возможность ознакомиться с этими делами и приобрести опыт, но я надеюсь... мне кажется...

Свонсон умолкла, рассчитывая, что Морвуд понял, к чему она клонит, и закончит мысль за нее. Но руководитель молчал.

– Мне бы хотелось попробовать себя в чем-нибудь новом.

– В новом? То есть принять участие в действующем расследовании?

– Да, сэр.

– Считаете, что из этих еще открытых, но неактивных дел вы научились всему, чему только можно, и теперь готовы играть в ковбоев и индейцев по-взрослому?

В детстве Корри славилась тем, что вспыхивала как порох, но годы, проведенные в колледже, и особенно строгая выучка в Куантико приучили ее к дисциплине. Да и взросление не прошло даром: Корри научилась держать гнев в узде. Она посмотрела на Морвуда. В сонных глазах ни тени сарказма или снисходительности.

– Конечно, из старых дел всегда есть чему поучиться. Но за все три месяца, что я их изучаю, никаких серьезных сдвигов, ни одного прорыва. Я глубоко изучала судебную антропологию. Я ведь уже...

На этот раз Морвуд подхватил:

– Вы уже разбирали реальные дела в Куантико.

– Да, сэр.

– Считаете, что трех месяцев мышинной возни вполне достаточно и теперь вы созрели для настоящей работы за стенами форта. Для дел поважнее и поинтереснее.

Морвуд частенько разговаривал, как герой вестерна. А может, это просто цинизм, вызванный разочарованием: его ведь перевели в эту дыру из самого Чикаго. Для Корри многое в поведении шефа оставалось загадкой.

– Да, можно и так сказать.

Он подался вперед:

– Могу дать вам два ответа, Свонсон. Первый: вы зеленый новобранец, только-только из академии. Никого не волнует, на что вы надеетесь и что вам кажется, – ни меня, ни кого-либо другого в этом офисе. Это официальный ответ, стандартный для подобных случаев.

При этих словах в тихом голосе Морвуда прозвучали стальные нотки. Свонсон напряглась.

– А могу ответить, что я вас прекрасно понимаю. – Морвуд уперся локтями в стол и сложил пальцы домиком. Его тон едва уловимо смягчился. – Когда-то и сам был таким. После трех месяцев усидеть на месте особенно трудно. Вообще-то, новобранцев мы в такие подробности не посвящаем, но у штатного психолога в Куантико даже есть термин для этого явления.

Свонсон по-прежнему сидела, вытянувшись в струнку.

Знать бы, к чему ведет Морвуд.

– Агент ФБР – это вам не врач и даже не полицейский. Нет универсального пути, чтобы приобрести нужный опыт. Разных специальностей у нас много: есть те, кто занимается юриспруденцией или программированием. Этим агентам даже не выдают оружия. Всю карьеру они просиживают за столом. Кстати, место работы тоже имеет значение. Так получилось, что вас направили в Альбукерке. Многие преступления в этих местах связаны с наркоторговлей, и ими в основном занимается Управление по борьбе с наркотиками. – Морвуд еще ниже склонился над столом. – Но скажу вам одну вещь, Свонсон. Вернее, две вещи. Во-первых, я ваш наставник. А это значит, я вам и судья, и ангел-хранитель. Вы оцениваете глухие дела, а я оцениваю вас: каковы ваши сильные стороны, в какой сфере от вас будет больше пользы и над какими слабыми местами надо поработать.

Свонсон постаралась не выказывать удивления. Она даже не думала – и уж точно не замечала! – что Морвуд так тщательно оценивает ее работу и уделяет ее скромной персоне настолько пристальное внимание.

– Во-вторых – уж поверьте на слово, – ваше время придет. Возможно, когда вы меньше всего будете ожидать. Может быть, это даже будет не официальное поручение. Вдруг что-то случится, пока вы устанавливаете эти идиотские полярные камеры? Или когда вечером едете домой? Что угодно может привести вас к расследованию «вашего» дела – то-

го самого, которое дожидается именно вас. Даже самое скучное, дурацкое дело может обернуться чем-то бóльшим. В любом случае гарантирую: эти ваши отчеты о глухих делах когда-нибудь сослужат вам добрую службу.

Морвуд отпил кофе. Несколько секунд прошло в молчании, и Корри поняла: разговор закончен. Ей дают понять, что пора уходить.

Свонсон встала:

– Спасибо, что уделили время, сэр.

– Не стоит благодарности.

Морвуд взял телефон и стал набирать номер.

Корри задумчиво побрела обратно на рабочее место. Подойдя к своему боксу, нахмурилась. На столе лежал большой темно-желтый конверт. Когда Свонсон уходила, его здесь не было. Она взяла конверт, разорвала. Внутри лежала толстая папка с обтрепанными краями. Внутри – фотографии и отчеты.

Ясно – глухое дело номер шесть.

Корри со вздохом села и взяла папку. Моргая несколько чаще обычного, отложила в сторону. Надо еще закончить работу над отчетом об ограблениях на I-25. Преступник до сих пор на свободе, и его разыскивает Федеральное бюро расследований.

22 апреля

Человек, известный как Кирпичная Башка, за деньги какой только странной фигни не делал, но это задание било все рекорды. Казалось бы, гробокопательство уже лет двести как вышло из моды. Но вот он на кладбище, разрывает могилу под полной луной. Впрочем, за пять штук и не на такое согласишься. Все лучше, чем оксикодон продавать, – и быстрее, и риска меньше.

В Нью-Мексико судьба его уже заносила, но в этой части штата Кирпичная Башка еще не бывал. Он и не думал, что в здешних краях бывает так зелено. Тут еще и горы есть. Ни дать ни взять Колорадо. Погост в добрых двадцати милях к востоку от Санта-Фе, на лесистом холме. Забор из кованого железа, ограда – все как полагается. У входа какая-то табличка, но Кирпичная Башка, конечно, читать не стал. Чего ему бояться посреди ночи? Туристы точно не заявятся, а больше тут делать нечего – разве что деревья рубить. Внизу в долине сверкала огнями Глориета. Между холмами лентой вилась автострада I-25. По ней с черепашьей скоростью ползли яркие точки фар. Ночью на холме холодновато, но Кирпичную Башку это обстоятельство даже порадовало: пока копал – запарился. Ближе к утру обещали дождь, но пока между облаками много просветов. Полная луна светит ярко, можно

обойтись без фонаря.

При такой работе никогда не знаешь, откуда свалится новое дельце. Есть у Кирпичной Башки один знакомый парень, а тот знает еще одного парня – и вот пожалуйста! Кирпичной Башке уже скидывают точные координаты места назначения. Как и на всем кладбище, могильной плиты тут нет: только в землю воткнут низкий каменный памятник с каким-то старинным металлическим медальоном. Смотрится внушительно – прямо как печать клуба «Ротари».

Кирпичная Башка ненадолго прервался. Глянул на часы: одиннадцать пятьдесят. Он трудился уже почти час. Полработы сделано. Кирпичная Башка перевел дух, подавил желание закурить. Потом снова взялся за лопату и воткнул ее в сухую песчаную почву. Копнул, бросил землю на брезент – и повторяй по новой. Плевое дело, главное – в ритм войти. Почти как в киртлендском спортзале качаться. В голове крутилась песня «Brick House». Такт как раз подходящий – для работы то, что надо.

Заказчиков Кирпичная Башка, ясное дело, не видел. Просто поступил звонок. Велели ехать на парковку и забрать там конверт с двумя штуками и инструкциями. Еще три штуки обещали по результату. В инструкции не только указали точную дату и время, но и приложили подробную карту, да еще вдобавок список нужного инвентаря: брезент, чтобы кидать на него землю, лопата, кирка, перчатки, короткая лестница и специальные крюки, чтобы поднять крышку гроба. Могилы

лу грабить не велено. Надо просто обеспечить возможность осмотреть останки. Кому-то понадобилось установить личность покойника. Два человека, которые, собственно, будут ее устанавливать, приедут в половине второго ночи, а когда разберутся со всем, с чем надо, гроб закроют и Кирпичная Башка получит оставшиеся три тысячи долларов. Те двое уедут, а зарывать могилу придется Кирпичной Башке. Видно, эти ребята боятся ручки замарать. Кирпичная Башка подзревал, что тут какая-то возня с наследством или кто-то собрался выдать себя за другого. Но интересоваться чужими делами и задавать вопросы при его работе себе дороже. Тем более что в записке строгое предупреждение: если Кирпичная Башка улизнет с двумя штуками, пусть ждет гостей, а после их ухода он будет разговаривать очень-очень тоненьким голоском.

Могилу раскапывать – не такое уж простое дело. Хорошо хоть земля мягкая и песчаная – ни камня, ни корней. Время от времени Кирпичная Башка замирал, прислушиваясь, но, кроме ночных звуков окружающего леса, ничего не уловил. Он все мычал себе под нос «Дом из кирпича». Он копал то с одной стороны, то с другой. Яма получалась аккуратная, почти идеально квадратной формы. Тут лопата обо что-то ударилась. Кирпичная Башка и не ожидал, что так быстро докопается до цели! Вот только на гроб не похоже: от удара по дереву звук другой. Кирпичная Башка наклонился, смахнул слой земли и, к своему удивлению, увидел, что старинный

гроб у него под ногами сделан из ржавого, покрытого вмятинами металла. Прямо не гроб, а какой-то сундук с сокровищами! Качая головой, Кирпичная Башка счистил с крыши оставшуюся землю. Крышка двойная: ну хоть что-то как полагается. Кирпичная Башка выкопал землю возле стенок, освобождая место для крюков. Поднял верхнюю половину крыши. Тяжеленная, зараза! Из темной глубины потянуло мерзкой вонью. Стараясь не поднимать фонарь над краем ямы, Кирпичная Башка включил его и посветил на покойника.

Еще один сюрприз: да тут не покойник, а покойница. Но если бы не полурассыпавшееся коричневое платье, Кирпичная Башка в жизни не догадался бы, мужчина перед ним или женщина. Ну и рожа – страх смотреть! Вся в плесени, вся сморщенная! Это скорее череп, чем лицо. Вдобавок губы мумии растянуты в жуткой ухмылке. Слава богу, установление личности проводить не ему. Да и нижнюю часть крыши можно не трогать: верхней половины для их дела вполне достаточно. Что ж, свои обязанности Кирпичная Башка выполнил. Осталось дождаться тех двоих. Он глянул на часы: час двадцать. Все вовремя, даже на десять минут раньше.

Кирпичная Башка выкарабкался из ямы, присел на ближайший памятник, закурил сигарету и глубоко затянулся. Он старался бросить и выставил себе лимит: две сигареты в день, и хватит. Но сейчас-то уже далеко за полночь, а значит, эта сигарета будет первой за день.

Ровно в половине второго Кирпичная Башка заметил свет фар на извилистой дороге, поднимавшейся вверх по холму мимо кладбища. Машина подъехала, фары погасли. Автомобиль развернулся на проселочной дороге и встал рядом с тачкой Кирпичной Башки. Дверцы с двух сторон распахнулись, и вылезли двое мужчин. Подошли к Кирпичной Башке. Один нес сумку со снаряжением.

– Ты Кирпичная Башка? – спросил тот, что с сумкой.

– Он самый. А тот, кто вам нужен... в смысле, нужна... короче, все там.

Кирпичная Башка проводил двоих мужчин до могилы. Те замерли по обе стороны от нее, глядя на открытый гроб. На луну набежали тучи, и лиц было не разглядеть. Кирпичная Башка ждал.

Тут оба натянули латексные перчатки и надели респираторы. Один спустился в яму и встал на нижнюю часть крышки металлического гроба. Наклонился, осветил фонариком на лицо покойницы. Второй достал из сумки длинную зубчатую пилу. «Это чтобы кости пилить», – догадался Кирпичная Башка. Мужчина протянул пилу своему напарнику, а вместе с ней – два больших мешка из химчистки. Металлический инструмент тускло блеснул в лунном свете. Мужчина склонился над трупом, где-то между грудью и животом. Тут раздался жуткий хруст и звуки пилы. Что он там делает – понятно не глядя. Нет, так личность не устанавливают. Но Кирпичная Башка прикусил язык. Никаких вопросов, ника-

кого любопытства – вот его принцип.

Мужчина положил в один из мешков что-то тяжелое, опять попилил, сунул еще что-то во второй мешок. Потом застегнул оба мешка и бережно передал мужчине, стоявшему наверху. Стянул перчатки и респиратор. Запихнул и то и другое в карман.

– Все как надо? – поинтересовался Кирпичная Башка.

– Все как надо.

Мужчина полез в карман пальто и вытащил конверт из манильской пеньки.

– Учти: ты здесь не был, ничего не видел.

Кирпичная Башка кивнул и проверил содержимое. Внутрь запечатанные пачки денег: новенькие сотни, только что из банка. На всех трех лентах надпись: «1000 \$». Кирпичная Башка быстро пересчитал банкноты и спрятал конверт во внутренний карман пиджака.

– Ладно, – протянул мужчина. – А теперь закрой крышку и закопай могилу.

Кирпичной Башке и самому не терпелось покончить с этим дельцем и свалить отсюда побыстрее. Он наклонился, ухватил тяжелую крышку. Ну точно: эти чокнутые зачем-то распилили труп пополам и верхнюю часть забрали. «Мое дело сторона», – повторял себе Кирпичная Башка. Вытащил крюки, с глухим стуком взгромоздил крышку на место.

А потом по затылку что-то резко полоснуло – и готово.

Мужчина в яме склонился над фигурой, растянувшейся на крышке гроба, потом бесстрастно выпустил вторую обойму из пистолета с глушителем «Максим-9», снеся копателю полголовы. Он снова натянул перчатки, брезгливо сунул руку под пиджак Кирпичной Башки и достал конверт с деньгами, а вместе с ним и кошелек, и ключи от машины, и инструкции. Потом вылез из ямы. Двое мужчин молча взялись за края брезента с землей, подтащили к разрытой могиле и сбросили внутрь, прикрыв Кирпичную Башку и его инструменты. Мешки из химчистки и пилу убрали обратно в сумку. Между тем темные тучи скрыли луну. А вот и обещанный циклон. Скоро начнется ливень и гроза. Мужчина с сумкой сел в их машину, а тот, что с пистолетом, залез в автомобиль убитого. Машина Кирпичной Башки поехала в одну сторону, а вторая через несколько минут направилась в противоположную.

На кладбищенскую землю начали падать тяжелые капли дождя: сначала понемногу, потом ливень хлынул стеной. Белая молния расколола небо, и между холмами загрохотали раскаты грома.

23 апреля

На столе у Свонсон зазвонил телефон. Два коротких сигнала, значит звонок внутренний.

Она взяла трубку:

– Да?

– Свонсон? – произнес голос Морвуда.

– Слушаю.

– Зайдите на минутку ко мне в кабинет.

– Иду, сэр.

Свонсон отодвинула папки, которые изучала, – глухое дело номер семь – и встала. Не в привычках Морвуда вот так вызывать сотрудников к себе в кабинет, особенно по утрам. Шеф отличался пунктуальностью: доклады слушал и результаты работы сотрудников разбирал всегда в одно и то же время, ровно в два часа дня по четвергам. По давней привычке Корри сразу занервничала и почувствовала себя виноватой. Ну и что она сделала не так?

Две недели назад в дополнение к кабинетной работе Морвуд дважды позволил Свонсон выехать на рейд вместе с командами из Управления по борьбе с наркотиками. На северо-востоке Альбукерке накрыли две подпольные лаборатории по производству метамфетамина. Оба задержания оказались не крупными. А Свонсон и вовсе ничего не делала:

только стояла рядышком в бронежилете и смотрела. Она подозревала, что Морвуд нарочно выбрал самые безопасные операции. Зато Корри представился случай почувствовать всю ожесточенность соперничества между двумя организациями.

Свонсон уже приходилось слышать, что говорят в ФБР об Управлении по борьбе с наркотиками: там служат одни безмозглые неандертальцы – этим лишь бы кому-нибудь череп проломить. Но во время двух выездов Корри узнала, что те о ФБР тоже невысокого мнения. Обе команды ясно дали ей понять, что она пошла служить не туда: ФБР – жалкая кучка хилаков и ботанов, которые для настоящей работы яйцами не вышли и за всю карьеру ни разу задницы от стула не оторвали. Поначалу Свонсон терпела эти подколы снисходительно. Но вчера, к концу второго выезда, не утерпела. Один агент со стрижкой ежиком все никак не отставал. Когда доехали до штаб-квартиры – подозреваемые в наручниках, дурь в сейфе для доказательств, отдел по борьбе с подпольными лабораториями оцепляет место преступления, – Свонсон не выдержала и в ярких красках расписала, куда ее мучитель должен запихнуть только что конфискованный метамфетамин.

Только позже Свонсон узнала, что Брейтман, тот самый агент с ежиком, – командир отряда.

Чем ближе Свонсон подходила к открытой двери кабинета Морвуда, тем сильнее ее одолевала тревога. Дело точно в

Брейтмане – больше не в чем. Корри уже почти четыре месяца ни на ком не срывалась. Хотя бы время другое выбрала или на кого-нибудь безобидного вызверилась! Как обычно, закон подлости в действии. Вдруг Морвуд ее выгонит? Имеет право – он ведь ее наставник. Впрочем, агентов увольняют только в самых крайних случаях. Но строгое предупреждение Морвуд ей объявить может, и тогда ее карьера еще долго с места не сдвинется.

Вдобавок к Свонсон ни с того ни с сего привязалась песня «Роллинг Стоунз» «19th Nervous Breakdown»: «Начинается... начинается...»

От волнения пересохло во рту. Корри постучала по дверному косяку. Морвуд, державший в одной руке скрепленную степлером пачку листов, поднял голову.

– Свонсон, – произнес он, снова опуская взгляд на бумаги. – Проходите.

Обычно Морвуд добавляет «присаживайтесь», но на этот раз приглашения не последовало.

Вот он перевернул одну страницу, потом вторую. Корри ждала. Наконец прокашлялся и, не поднимая головы, спросил:

– Вам известно, что произошло на Глориетском перевале?

На Глориетском перевале? Свонсон первый раз слышала о таком. Она напрягла память, перебирая в уме все названия улиц в районе Альта-Монте, где проходил вчерашний рейд. Канделария, Команче... Никакой Глориеты.

– Не уверена, что понимаю, о чем вы, сэр, – наконец проговорила Свонсон, готовясь к худшему.

Морвуд уронил бумаги на стол и в первый раз посмотрел на свою подчиненную:

– Честное слово, удивляете вы меня, агент Свонсон!

– Простите, сэр...

«Начинается, начинается...»

– Образцовая студентка – и не слышали про битву за Глориетский перевал?

Тут Свонсон окончательно перестала что-либо понимать. С раздражением постаралась выкинуть из головы гнусавый голос Мика Джаггера.

– Не понимаю, о чем вы. Вчера никакого побоища не было. Изготовители метамфетамина не сопротивлялись – сразу сдались. Ну а если вы имеете в виду инцидент с Брейтманом, то я не хотела оскорблять...

– Свонсон, вы с луны свалились? Я читаю копию ваших документов из Колледжа уголовного права имени Джона Джея. Здесь говорится, что на втором году обучения вы прослушали курс по истории Гражданской войны в США. Или вы его в буквальном смысле слова прослушали – пропустили мимо ушей?

Свонсон нервно сглотнула.

– Извините, сэр. Вы сейчас... об истории?

– Естественно! А вы думали, о вашей вчерашней перебранке с Брейтманом из Управления по борьбе с наркоти-

ками? Да, он мне звонил. Я ему сказал: расслабься, хватит визжать, будто тебе хвост прищемили. Нет, я про Глориетский перевал, точнее, про битву на Западном фронте, одно из главных сражений Гражданской войны. Армия конфедератов вторглась на территорию Нью-Мексико. Хотели отрезать северян от Западного побережья, но те им здорово надрали задницу. И случилось это на Глориете.

Свонсон испытала целую гамму чувств: сначала удивление, потом облегчение и, наконец, смущение. Теперь, когда тревога отступила, название и впрямь показалось знакомым. Вот только преподаватель истории был ужасно нудный и названиями разных сражений сыпал через слово... Разве все помнишь?

– Да, – осторожно произнесла Свонсон. – Мы эту битву проходили. Извините, сэр.

Морвуд нахмурился. Корри искренне надеялась, что укор напускной.

– Рад слышать. Не Геттисберг, конечно, но больше шестидесяти человек там полегло – и янки, и конфедератов. Несколько человек там и похоронены, в местечке под названием Пидженс-Ранч.

Свонсон молча слушала. Как ни рада Корри была узнать, что многоэтажные ругательства, которыми она вчера обложила Брейтмана, останутся без последствий, рассуждения Морвуда о Гражданской войне привели ее в недоумение. К чему он ведет?

– Примерно час назад на кладбище Пидженс-Ранч обнаружили тело. Вернее, два тела – хотя тут ситуация не вполне ясная. Нашли застреленного мужчину. Он лежал на крышке гроба в только что разрытой могиле.

Свонсон кивнула. В голове мелькнула мысль – может, надо записывать? Но Корри быстро передумала.

– Возникнут какие-нибудь соображения – не держите в себе. Итак, Глориетский перевал – место битвы. Часть поля боя – Национальный исторический парк, и разрытая могила на маленьком кладбище тоже в него входит.

Тут у Свонсон и впрямь возникло соображение, и держать его в себе она не стала:

– Значит, преступление произошло на федеральной земле.

– Правильно. Диплом у вас отбирать пока не будем. Продолжайте.

– Любое правонарушение, произошедшее на данной территории, подпадает под нашу юрисдикцию, а значит, расследовать это дело будем мы.

– Разрешите поправить: не мы, а вы.

С этими словами Морвуд взял со стола стопку бумаг и передал Свонсон. Та взяла их так осторожно, будто опасалась подвоха.

– Сэр...

– Что вас смущает? Если правильно припоминаю, вы приходили ко мне еще три недели назад. Говорили, что хоти-

те попробовать себя в чем-то новом. Например, в активном расследовании.

Морвуд прикрыл рот ладонью, кашлянул и торжественным жестом указал на бумаги:

– Сим передаю в ваше полное распоряжение труп в разрытой могиле на кладбище возле Глориеты. Два в одном: тут вам и убийство, и вандализм.

Свонсон молчала. Морвуд прибавил:

– Поручаю вам вести дело. Разве вы не этого хотите?

Наконец к ней вернулся дар речи:

– Хочу, сэр. Очень хочу. Но что я должна...

Корри осеклась, охваченная паникой.

– Не знаете, что делать? Естественно. Это же ваше первое расследование. Но вот отличный шанс проверить, чему вас научила подготовка в Куантико и четыре месяца изучения дел в нашем отделении. Не терпится услышать, какие выводы извлечет из этой странной истории начинающий криминалист. Итак, будете первым следователем по данному делу. Налаживайте сотрудничество с местной полицией, проследите, чтобы место преступления оцепили, осмотрите тело, проконтролируйте сбор улик, подготовьте предварительный отчет. И все это вы будете делать сами.

Свонсон не отвечала. Ее обуревали смешанные чувства: с одной стороны – радостное волнение, даже восторг, а с другой – тревога. Постепенно до Корри начало доходить, какую ответственность на нее взвалил Морвуд.

– А как же вы? – спросила Корри и тут же прибавила: – Сэр.

– Что – я? Буду сидеть в этом кабинете и с интересом выслушаю отчет о ваших результатах.

Свонсон нервно сглотнула. Именно такого шанса Корри и дожидалась. Но сейчас она на испытательном сроке, а Морвуд – ее наставник. Он должен ее контролировать, учить, направлять на правильный путь. Или он из тех, кто считает, что лучший способ научить человека плавать – бросить его на глубину?

– Наверное, надо привлечь группу по сбору доказательств?

Но Морвуд лишь покачал головой:

– Решайте сами. Вы ведущий следователь, вам и карты в руки. – Он усмехнулся. – Но не забывайте, что в вашем распоряжении силы и ресурсы местной полиции, включая экспертно-криминалистическую службу, коронерскую службу и так далее. Конечно, если сочтете нужным вызвать группу по сбору доказательств – пожалуйста, но сначала подумайте, как это будет выглядеть со стороны.

Морвуд потянулся к телефону и снял трубку.

– Ознакомьтесь с краткой сводкой. А я пока позвоню в отдел оперативной поддержки. Пусть выделяют вам служебную машину, рацию и все, что полагается.

Свонсон не сдвинулась с места. Морвуд положил трубку.

– Агент Свонсон, хватит штаны просиживать. Скачите на

Глориетский перевал. Туда всего час пути. И места там, надо сказать, живописные.

Агент Свонсон ехала на служебной машине по извилистой пыльной дороге. Рядом с ней на сиденье лежали бумаги, выданные Морвудом, – теперь внимательно прочитанные, перечитанные и аккуратно убранные в папку. Ее обуревали неожиданные для нее самой чувства. Она давно мечтала об этом дне: специальный агент Коринн Свонсон, ведущий следователь ФБР, расследует дело об убийстве. Сейчас она должна быть будто лазерный луч – то есть четко нацелиться на дело. А вместо этого Корри сама не своя от беспокойства. В голову лезут непрошенные и удручающе обыденные мысли: о погоде, о цвете дороги, о сломанной сосне.

Свонсон набрала полную грудь воздуха, потом медленно-медленно выдохнула. Согнула и разогнула пальцы, удобнее перехватила руль. С облегчением отметила, что руки не дрожат.

Соберись, решай проблемы по мере их поступления и делай все, как тебя учили.

Возле дорожного указателя с надписью «Национальный парк „Поле битвы за Глориетский перевал“» Свонсон свернула на изрытую колдобинами дорогу, поднимавшуюся в предгорья Сангре-де-Кристо. Вскоре Корри въехала на широкую плоскую площадку. Впереди рельеф разделялся на два горных хребта. Один убегал вдаль на север, второй – на

юг. Свонсон мимоходом подумала: наверное, это и есть тот самый перевал. Интересно, почему его называли Глориета?

Впереди на обочине припаркованы несколько фургонов и трейлеров. Дверцы открыты. Рядом стоят люди, и вид у всех недовольный. Проехав еще четверть мили, Свонсон поняла почему: джип шерифа со вспыхивающей мигалкой загородил вход на кладбище Пидженс-Ранч – Глориетский перевал. Корри остановила автомобиль. Из джипа вылез помощник шерифа. Удостоверение личности Свонсон висело на шнурке у нее на шее. Она показала документ молодому помощнику. Тот глянул сначала на нее, потом на удостоверение и опять на нее. Наконец кивнул и вернулся в машину. Завел двигатель и отъехал в сторону, давая дорогу Свонсон. Впереди, за воротами, она заметила указатели и парковку. Там были беспорядочно расставлены несколько полицейских машин.

Корри встала рядом с ними. Собралась с духом, вылезла из автомобиля и зашагала вперед: сначала по плитке, потом вверх по дорожке, посыпанной гравием. Вскоре слева и справа от нее появились старые могилы. У каждой свой номер, на некоторых таблички с краткой информацией. Вдалеке, в углу возле ограды, Корри заметила человек десять: офицеров в форме, смотрителей Национального парка, нескольких человек в мундирах, медицинский персонал, женщину с фотокамерой и еще одного-двух человек, чью профессиональную принадлежность по виду не распознать. Все стояли на

месте, будто кого-то ждали. Заметив Корри, они дружно повернулись в ее сторону. Так вот кого здесь не хватало – ее!

Тут из головы вылетели даже бессвязные мысли. Сердце забилось с бешеной скоростью.

«Не психуй, – приказала себе Свонсон. – Ты знаешь, что делать».

Она мысленно прошла по всей информации по делу, полученной от Морвуда. Повторила алгоритм работы на месте преступления, который так старательно вдабливали в ее голову преподаватели академии. Корри с облегчением поняла: несмотря на нервозность, твердая база знаний никуда не делась. Свонсон сразу почувствовала уверенность. Как бы то ни было, в панику она не ударится.

При ее приближении собравшиеся расступились. Потом один из них вышел вперед. Мужчина средних лет, мускулистый, загорелый, с усами, похожими на ершик для мытья бутылок. Судя по шляпе и форме, этот человек служит в департаменте шерифа.

– Гас Терпенсид, – представился он и протянул ей руку. – Шериф округа Сан-Мигель.

Хватка у шерифа оказалась железная. В рукопожатии чувствовалась угроза. Свонсон напрягла пальцы:

– Агент Свонсон, Федеральное бюро расследований.

– Рад знакомству, агент Свонсон, – ответил шериф и оглянулся на другого мужчину со звездой помощника шерифа; тот усмехнулся и едва заметно кивнул.

Все присутствующие не сводили глаз с удостоверения личности и эмблемы ФБР у нее на груди.

– Агент Морвуд говорил о вас, – продолжил Терпенсид. – Я думал, пришлют...

– Мужчину?

– Кого-нибудь постарше.

– Понимаю.

Как ни странно, провокация ее не задела. «Должно быть, все дело в эмблеме ФБР», – поняла Корри: у нее она есть, а у него нет. А если ему что-то не нравится, то ничего поделаться он не может. Осознание собственной власти оказалось на редкость приятным. С детства Корри находилась исключительно в подчиненном положении. Поэтому она облачилась в броню из дерзкого сарказма и неприязни ко всем наделенным властью. А теперь она сама представитель власти. Вот так ирония!

Корри осмотрелась по сторонам. Поглядела на другие лица, на место преступления. Вот разрытая могила, оцепленная оградительной лентой. В яме чего только не валяется: земля, брезент, инструменты. А на дне – частично скрытое тело. Корри знакомилась с обстановкой не спеша и нарушать затянувшуюся паузу не торопилась. Наконец повернулась к Терпенсиду:

– Вы правы, я молода. Но торчать на одном месте, пока не состарюсь, я не намерена. Поэтому за дело. Кто первым обнаружил, что могила разрыта?

От группы отделилась блондинка в форме смотрителя Национального парка:

– Я.

– Фамилия?

– Грант.

– Расскажите, как это произошло.

Та кивнула.

– Я приезжаю в половине восьмого, чтобы открыть кладбище и подготовиться к приходу туристов. Одна из моих обязанностей – совершать обход территории. Я шла и вдруг заметила горку земли. – Грант кивнула на нее. – Подошла поближе и увидела яму. Сначала подумала, что могилу Реджис разрыли гробокопатели. Но потом заметила в яме мужчину. Лежит, засыпанный землей, а вокруг – кровь. Я побежала за Алеком.

– Кто такой Алек?

– Алек Куинн – мой коллега. Мы сегодня вместе дежури́м. Он как раз парковался.

– Продолжайте.

Тут вперед шагнул другой смотритель – очевидно, тот самый Куинн – и продолжил рассказ:

– Сначала подумал: вдруг этот человек жив? Спрыгнул в яму, стал его откапывать и тут увидел... – Куинн нервно сглотнул. – Увидел, что он мертв. Вылез и сразу позвонил куда надо. Агентов из Сектора расследований поблизости не оказалось, поэтому уведомил шерифа.

Свонсон кивнула. Ей было известно, что Сектор расследований состоит из специальных агентов – сотрудников Службы Национальных парков США. Знала Корри и то, что по всей стране их около трех десятков.

Она осмотрелась по сторонам:

– Кто начальник экспертно-криминалистической группы?

Подошел низенький мужчина на вид лет шестидесяти:

– Ларссен. Экспертно-криминалистическая служба Санта-Фе.

– Работу не начинали? Дожидались федералов?

– Как видите, – ответил тот.

– Простите за задержку. Пожалуйста, приступайте. Я скоро подойду.

Теперь Свонсон снова повернулась к Куинну:

– А когда вы решили позвонить в ФБР?

Куинн покраснел.

– Тут все не так просто, как вам кажется, – произнес он, оправдываясь. – Глориетский перевал признали полем боя класса А всего двадцать пять лет назад. Вдобавок большая часть находится на частной земле. Под юрисдикцией Службы Национальных парков США всего двадцать процентов территории – то есть Пидженс-Ранч.

– В ФБР позвонила я, когда мы разобрались, в чьих полномочиях это дело, – вставила Грант.

Свонсон кивнула.

– Еще что-нибудь или кого-нибудь подозрительного заме-

тили? – уточнила она.

Женщина покачала головой:

– Все было точно так же, как сейчас. Мы убедились, что человек убит, и после этого ничего не трогали.

– Может, вы заметили что-то необычное? Из ряда вон выходящее?

Грант снова покачала головой.

– График работы парка?

– С восьми утра до шести вечера.

– По ночам здесь никто не дежурит?

– Нет.

– Разве не боитесь вандалов? Или охотников за антиквариатом?

– Раньше у нас таких проблем не возникало, – ответил Куинн. – Местные жители покой мертвых уважают. Вдобавок места тут глухие, да и финансирование скромное. Совет попечителей выкручивается как может, но почти все деньги уходят на содержание и реставрацию. Глориета считается исторической достопримечательностью, находящейся под угрозой исчезновения. Полю боя присвоена первая степень приоритетности. Таких мест крупных битв всего дюжина.

Свонсон уже поняла, что в этой части страны взгляд на вещи особый – примерно такой же, как в канзасской глубинке, где она выросла. Пустой земли много, полиции и денег мало – за всем не уследить.

Между тем криминалисты собрались вокруг ямы и спу-

стили лестницу, готовясь приступить к работе. Свонсон повернулась к шерифу.

– Место преступления огородили сразу? – спросила она.

– Да, мэм, как только оценили ситуацию.

Обращение «мэм» застало ее врасплох, но Корри не подавала виду. А ведь это то же самое, что и «сэр». Пора привыкать.

Шериф снял шляпу и вытер лоб рукавом. Свонсон обратила внимание, что его голова выбрита наголо. Внутри шляпа намочла от пота.

– Шериф, пусть ваши люди проверят, кто въезжал и выезжал с кладбища. Если найдете следы от шин, сообщите криминалистам. – Корри кивнула в сторону женщины с камерой. – Это ваш фотограф?

– Да.

– Отлично. Пусть берется за работу.

Шериф помедлил всего секунду. Потом повернулся к помощнику и что-то сказал вполголоса. Через минуту-две половина собравшейся вокруг места преступления толпы нехотя разошлась в разные стороны.

Свонсон решила не вызывать группу по сбору доказательств. Специалистов из Санта-Фе вполне достаточно. Ни к чему злить местных, к тому же Ларссен производит впечатление человека компетентного.

Корри стала наблюдать за работой криминалистов. Ларсен и еще один эксперт спустились по лестнице и теперь стояли возле металлического гроба, по обе стороны от тела. Они

осторожно сметали землю в поисках следов и улик. Пока Свонсон решила оставаться в стороне. Пусть команда работает. Кто-то стоявший рядом вызвал по телефону один фургон coronera, потом передумал и потребовал два.

Фотограф сделала снимки. Из ямы вытащили брезент, потом инструменты, затем выгребли землю. Все эти улики сложили в большие желтые пакеты. Труп, будто скромная девушка, показывал себя постепенно. И вот наконец он лежит у всех на виду на крышке удивительно хорошо сохранившегося металлического гроба. Теперь Свонсон тоже спустилась по лестнице, чтобы как следует его рассмотреть. На убитом простая рубашка в шотландскую клетку, джинсы и ботинки «Доктор Мартенс» со стальными носами. На вид мужчине около пятидесяти, но в одежде точно определить его возраст трудно. Лежит лицом вниз, череп разворотили два выстрела. После первого мужчина упал, а вторая пуля, пущенная в затылок, отколошила от металлической крышки. Огнестрельного оружия на месте преступления не обнаружено. Корри еще несколько минут молча наблюдала за работой криминалистов, потом опустилась на колени рядом с Ларсеном.

– Видимо, второй выстрел – контрольный? Чтобы добить? Как вы считаете? – спросила Корри, стараясь сохранять одновременно и нейтральный, и уважительный тон.

– Скорее всего, – согласился Ларсен. – Видите?

Он указал на вмятину в крышке.

– Похоже, первая пуля вошла чуть выше основания черепа и поэтому сильно раскрошила затылочную кость, – проговорила Корри. – Вторая пуля вошла немного выше, ведь тогда жертва уже лежала на животе. Видимо, вторым выстрелом ему и снесло лицо.

Ларссен хмыкнул:

– Перестарались ребята. Одной пули хватило бы.

Без сомнения, Ларссен прав, но Свонсон учили, что профессиональные киллеры всегда действуют по одному сценарию. Вторая пуля для них – простая и доступная гарантия результата.

– Судя по тому, что вмятина небольшая и не слишком широкая, пуля с твердым наконечником. Скорее всего, девять миллиметров. Надеюсь, ваша команда сумеет обнаружить гильзы.

Ларссен кивнул.

– Документов нет, – объявил второй криминалист, проверив карманы убитого.

– Проверьте отпечатки пальцев, – велела Свонсон.

Может, IAFIS – система идентификации отпечатков – сможет установить личность жертвы.

Когда левую руку трупа подняли, чтобы снять отпечатки, рукав сполз, обнажая татуировку: что-то похожее на недостроенную стену из красного кирпича. Свонсон указала на наколку:

– Не знаете, что означает?

– Нет, – ответил Ларссен.

Свонсон глянула на второго криминалиста:

– Может, это тюремная татуировка? Или байкерская? Или военная?

Тот покачал головой:

– Раньше таких не видел. Но руки натруженные, – очевидно, могилу раскопал он.

– Проверьте отпечатки на лопате, – велела Свонсон.

Минуту или две она осматривала тело. Потом встала. Остается дожидаться из лаборатории результатов криминалистической экспертизы.

– Когда упакуете тело в мешок, надо открыть гроб, – сказала Свонсон.

Десять минут спустя труп неизвестного осторожно уложили в мешок, вытащили из ямы и положили на специальные носилки, чтобы доставить в морг службы coronera. Все улики, обнаруженные возле тела, тщательно подписали и тоже забрали. Свонсон оставалась в яме. Она стояла на краю и глядела на гроб. Он по-прежнему в хорошем состоянии. Крышка двойная. Верхняя половина немного поцарапана. Здесь недавно орудовали металлическими инструментами. Кто-то открывал гроб – или собирался это сделать.

Корри позвала Грант. Смотрительница быстро подошла к яме и заглянула в разрытую могилу.

– Вы что-то говорили про гробокопателей, – произнесла Свонсон. – А еще называли эту могилу могилой Реджис. Это

фамилия человека, который здесь похоронен?

Грант кивнула:

– Да, Флоренс П. Реджис.

– Женщина? На военном кладбище того времени?

Та в первый раз улыбнулась:

– Реджис – наша главная знаменитость. Флоренс была рьяной конфедераткой. Ее отец, Эдвард Паркин, являлся одним из крупнейших рабовладельцев штата Джорджия. Он с ранних лет обучал дочь стрельбе. Муж Флоренс, полковник Реджис, командовал батальоном Конфедерации, но вскоре после Первого сражения при Манассасе его застрелил снайпер-янки. После его гибели Флоренс перебралась в Эль-Пасо. А когда узнала, что генерал Сибли отправляет шесть полков вверх по Рио-Гранде, чтобы атаковать форт Юнион, решила отомстить за мужа. Переделалась в военную форму, выдала себя за мужчину и присоединилась к армии конфедератов. Правда выплыла наружу только после ее гибели в бою. Генерал приказал похоронить ее как полагается, с военными почестями.

Без сомнения, эту историю смотрительница рассказывала туристам ежедневно. Свонсон поглядела на гроб с новым интересом. Несмотря на то что от места и обстоятельств преступления в дрожь бросает, расследование продвигается своим чередом, и пока что Корри не ударила в грязь лицом. Время от времени ее охватывала нервозность, но каждый раз ей удавалось отогнать тревоги. Вот доберется вечером до своей

квартиры, тогда и поволнуется в свое удовольствие. К тому же там ее ждет успокоительное – бутылка «Куэрво голд».

Ларссен разобрался с трупом и спустился обратно в яму. Корри кивнула ему:

– Мистер Ларссен, давайте откроем гроб.

– Конечно.

Ларссен наклонился, крикнул и поднял верхнюю половину крышки.

Свонсон заглянула внутрь и удивилась. Если не считать нескольких фрагментов иссохшей кости и обрывков одежды, верхняя половина гроба оказалась пуста. Кроме разлагающейся от времени бархатной обивки – ничего.

– Вот так номер, – протянул Ларссен.

Странно. Похоже, кто-то сначала украл тело, а потом застрелил неизвестного мужчину.

Свонсон попыталась найти в этой последовательности событий хоть какую-то логику. Человек откопал гроб, достал тело, потом его застрелили и оставили в могиле. При каких обстоятельствах такое могло произойти? Похоже, мужчина с татуировкой кирпичной стены всего лишь наемник. Одно-разовая рабочая сила, от которой потом избавились. Похоже, действовали профессионалы.

Повернувшись к Ларссену, Корри предложила:

– Откроем нижнюю крышку. Посмотрим, что там.

Они вылезли из ямы. Ларссен приказал своим людям спустить крюк. Подцепили крышку, с трудом подняли. Показа-

лась нижняя половина тела. Она находилась в плачевном состоянии – рассеченные кости, ошметки плоти, видневшиеся сквозь прорехи в старинном платье, в котором похоронили Флоренс Реджис. Тело грубо распилили пополам.

Молодой зритель Куинн перекрестился.

– Кто же так обращается с дамами? – вдруг раздался рядом знакомый голос.

Свонсон обернулась и увидела Морвуда. Он стоял, заложив руки за спину. Смотрел в яму и качал головой. Корри была так потрясена увиденным, что даже не заметила, как он подошел.

– Здравствуйте, сэр, – торопливо поздоровалась она.

Выглянув из-за его плеча, Корри увидела, что к могиле приближаются еще несколько человек в форме: сотрудники ФБР приехали завершить работу криминалистов.

– Ну как, раскрыли дело? – поинтересовался Морвуд.

– Сэр, я...

– Шучу. Вижу, у вас тут все идет как положено. Отчитаетесь в штаб-квартире.

Морвуд кивнул Ларссену. Тот дружески помахал рукой в ответ.

Подошел шериф Терпенсид. Вид у него был недовольный. Пока искал следы, ковбойские сапоги запылились.

– Специальный агент Морвуд, – произнес шериф, опять снял шляпу и вытер лысину. – Рад, что дело взял в свои руки более... опытный специалист.

Свонсон прикусила губу.

– А по-моему, агент Свонсон справляется вполне достойно, – ровным тоном произнес Морвуд.

– Разумеется, – усмехнулся шериф. – Просто не знал, что теперь в ФБР набирают подростков.

Терпенсид хохотнул и подмигнул Корри.

Вовремя прикусить язык Свонсон не успела.

– А я не знала, что теперь в шерифы Нью-Мексико берут только слабоумных.

Морвуд бросил на нее предостерегающий взгляд. Кивнул шерифу и направился к парковке. Свонсон последовала за ним.

– Приедем – поставлю вас в угол, агент Свонсон, – произнес Морвуд, когда они подошли к машинам.

1 мая

– Обязательно возьми с собой, – сказал Скип и поднял со стола Норы бинокль. – Комету будет видно дней через десять. А в горах ты ее особенно хорошо разглядишь!

– Отличная идея.

Нора взяла у брата бинокль и положила на пол гостиной рядом с остальными вещами. Ее золотистый ретривер Митти бродил вокруг. Нора чувствовала, что пес обеспокоен. Почуял: что-то не так. Еще бы, обычно люди в этом доме в пять часов утра не встают. Митти ходил за Норой следом, все время путался под ногами и нервно скулил.

Нора ненадолго отвлеклась от сборов, чтобы ободряюще почесать пса за ухом.

– Не волнуйся, Скип о тебе позаботится, – проговорила она, глядя собаку по длинной шерсти.

– Это точно.

Скип ходил по комнате босиком с клипбордом в руках и ставил галочки в списке вещей, как только Нора укладывала в рюкзак очередной, необходимый в экспедиции предмет.

– Почему шарф-снуд не написала? – озабоченно нахмурился брат. – По ночам в горах даже в мае холодно.

– Я уже положила зимнюю шапку и шарф, так что не бойся, не замерзну.

– Лучше сюда ничто не греет, но – как скажешь, тебе решать. А теплое белье взяла?

– Вот оно.

Во время сборов Скип с неослабевающим энтузиазмом забрасывал ее советами. Будь его воля, Нора отправилась бы в путь с пятью чемоданами, битком набитыми всем подряд: от зонтиков до кофемашины. Брат к ней особенно внимателен с тех пор, как несколько лет назад Нора потеряла мужа. Трагедия произошла в Нью-Йорке. Нора вернулась в Санта-Фе – город, где она выросла, – и снова устроилась на работу в институт. Скип работал там же менеджером по коллекциям. Сейчас его назначили связным – то есть именно он будет дежурить на спутниковом телефоне института. Когда экспедиция поднимется в горы, этот телефон останется для нее единственным надежным средством связи с внешним миром.

– Теплое белье – есть, – произнес Скип, ставя галочку в списке. – Шерстяные носки – есть. Перчатки с подкладкой – есть. Презервативы ребристые...

– Да ну тебя.

Нора окинула взглядом разложенные на полу вещи. Не перестаралась ли она? Они ведь не в Гималаи отправляются и даже не в далекие каньоны Южной Юты. Предполагаемое местонахождение Потерянного лагеря всего в десятке миль от I-80. Эта автомагистраль проложена на месте легендарного Калифорнийского пути. Институт обеспечил экспе-

дицию лучшими палатками и снаряжением. Фьюджит также открыла им доступ к новейшим археологическим технологиям, включая измеритель удельного сопротивления, переносной магнитометр и портативный рентгенофлуоресцентный анализатор.

Удобную возможность для пиара Фьюджит распознать всегда умела, поэтому пригласила местного репортера из «Санта-Фе экспресс» взять у Норы интервью о предстоящем проекте в ее кабинете. Норе эта идея не понравилась: говорить об экспедиции до ее успешного завершения – дурная примета. Но лишняя публикация в прессе пойдет на пользу институту, и только по этой причине Нора согласилась. Однако во время интервью старалась не вдаваться в подробности и не упомянула ни одной детали, которая указывала бы на место раскопок: еще не хватало привлечь любопытных! И разумеется, Фьюджит строжайше запретила любые намеки на клад.

– Мне с кем-нибудь попрощаться от твоего имени? – с многозначительной усмешкой поинтересовался Скин. – Может, что-нибудь передать Моррису?

– Этой заумной канцелярской крысе из Лос-Аламоса? Я с ним уже несколько месяцев не общалась.

– Канцелярской крысе? Не слишком ли сурово? Между прочим, парень ядерный инженер.

Скин рассеянно играл с собакой.

– А как насчет профессионального скалолаза? Ну, того са-

мого, который в прошлом году возглавлял экспедицию на гору Чогори.

– Ты про Паркера Фремптона? Да у него обхват бицепсов больше, чем коэффициент интеллекта!

– Ясно. Значит, ядерный инженер слишком умный, а скалолаз слишком тупой.

– Скип, не начинай.

– А я ничего не начинаю. Просто говорю...

– Знаю я твое «просто». И вообще, у нас полно дел.

– Ты молодая – ну, относительно. Безусловно, привлекательная. Но, как твой брат, предупреждаю: если внимательно приглядеться к любому парню, всегда найдется причина, почему этот бедолага тебе не подходит.

Вместо ответа Нора молча принялась собирать вещи с пола.

– Слушай, я понимаю – ты до сих пор горюешь по мужу. Мне и самому его не хватает. Но уже шесть лет прошло. Пора двигаться дальше. Это не значит, что ты его предаешь или не любишь. Он бы и сам хотел, чтобы ты была счастлива! Жизнь состоит не только из твоей работы, этих четырех стен и сюсюканья с Митти. Билл бы то же самое сказал, будь он жив.

Нора залилась краской:

– Вот именно – «бы». Займись-ка лучше своими делами. Тебе, по-моему, с блондинистой барменшей из таверны «Девушка-ковбой» проблем хватает. Правду говорят – думай го-

ловой, а не одним местом.

– Вечно ты прохаживаешься насчет Джорджетты! Мы с ней просто друзья!

– Скажи это ее бойфренду.

Далее последовала буря возражений и оправданий. Норе оставалось только радоваться, что брата так просто отвлечь.

Скоро все было проверено, упаковано и готово к отъезду. Митти разволновался еще сильнее: скулил, при любой возможности тыкался в ладонь Норы холодным, мокрым носом.

– Запомни, – повторяла она Скипу, – одна порция корма утром, одна вечером. Обязательно смешивай с сырым яйцом. Два раза в неделю – сырой гамбургер. Время от времени давай ему грызть говяжью мозговую кость, только настоящую – никаких жевательных игрушек...

– Твой пес питается лучше, чем я.

– Естественно. Еще не хватало, чтобы ты его пивом поил.

Скип развел руками, показывая, насколько глубоко оскорблен:

– Как ты могла подумать...

Нора глянула на часы:

– Пора идти. Нас ждут в институте через полчаса.

Скип помог ей убрать рюкзак и сумку в багажник и сел за руль.

– погоди. Еще раз попрощаюсь с Митти.

– Какую-то собаку любишь больше, чем брата!

Нора вернулась в дом, обняла Митти, велела ему быть хорошим мальчиком и пообещала, что скоро вернется. Она вышла за дверь, и уже через несколько секунд пес показался в окне. Упершись передними лапами в стекло, он с поникшим хвостом и грустными глазами смотрел ей вслед.

– Не волнуйся, собаку мне доверить можно, – сказал Скип, когда Нора села в машину. – И дом тоже. Буду гулять с Митти каждый день. – Скип похлопал себя по животу. – Заодно лишних пять фунтов сброшу.

– Если хочешь похудеть, просто не увлекайся пивом. Ну и Джорджеттой...

– Ты прямо как строгая училка! Надолго ты в эту свою экспедицию? На четыре недели? А до восьми растянуть никак нельзя?

Они ехали по узким извилистым улочкам предрассветного Санта-Фе, пока не добрались до окраины города, где располагался кампус института площадью в двадцать акров. Здания из кирпича-сырца разместились в живописном окружении садов и сосен. Скип въехал в ворота. На главной парковке уже ждал с включенным двигателем фургон института, на котором они поедут на раскопки. Скип встал рядом с ним и вытащил вещи Норы. Два ассистента взяли сумки и погрузили в кузов. Рядом стоял Джейсон Салазар, ради такого случая нарядившийся в хаки и холстину в стиле Индианы Джонса. Поля его австралийской ковбойской шляпы задорно торчали кверху. Рядом Нора заметила Клайва Бенто-

на. Историк одет в джинсы и еще одну уродливую рубашку – на этот раз с крошечными светоотражающими «огурцами»-пейсли на зеленом фоне. Черные волосы выбивались из-под бейсбольной кепки «Ориолс». Бентон разговаривал по мобильному телефону. Вид у него был одновременно и взволнованный, и оживленный. Он уже десять дней крутился в институте. Клайву настолько не терпелось отправиться в дорогу, что Нору это уже начало раздражать.

В стороне с вейпом в руке смущенно топтался тощий светловолосый Брюс Адельски, аспирант Норы из Университета Нью-Мексико. Он нервно затаился. Адельски беспокоился, сможет ли выживать в дикой природе, но он – один из самых многообещающих студентов Норы. К тому же для получения степени ему необходим опыт полевых работ.

– В экспедицию такие штуки брать нельзя, – произнес Клайв, закончив телефонный разговор и указав на вейп Адельски. – Это путь для сильных духом и телом, а не для сосунков.

– Серьезно? – спросил Адельски, еще раз по-быстрому затаился и сунул вейп обратно в карман.

– А ты как думал? Доберемся до места – дам тебе одну из моих сигар.

– Фу! – скривился Адельски. – Они у тебя такие же древние, как твоя рубашка.

– Ну ладно, – перебила Нора, оглядываясь по сторонам. – Садимся в фургон и выезжаем.

Тут из старого корпуса вышла сама Джилл Фьюджит собственной персоной. Президент института и сегодня не изменила себе: энергичная деловая манера, безупречная прическа. Однако Нора заметила, что в такой день даже Фьюджит не могла скрыть гордость и радостное предвкушение.

– Учитывая ситуацию, я просто обязана вас проводить, – улыбнулась Фьюджит.

Солнце только поднималось над черепичной крышей главного здания. Фьюджит пожала руки всем членам экспедиции, вполголоса произнося воодушевляющие напутствия. Нора села за руль, Клайв влез на переднее сиденье рядом с ней, а Джейсон с Брюсом расположились сзади. Нора уже много раз водила грузовой фургон F350. Когда заводила двигатель, чувствовала себя так, будто снова повстречалась со старым другом. Нора помахала на прощание Скипу и остальным, выехала за ворота и устремилась прочь из города, слившись с потоком автомобилей, едущих по автомагистрали в западном направлении.

– Совсем как переселенцы в старые времена, – произнес Клайв, ткнул пальцем в телефон и с усмешкой убрал его в карман.

3 мая

Дорога заняла два дня. Пришлось заночевать в омерзительном мотеле неподалеку от Лас-Вегаса. Как только поднялись в горы, жара и пыль остались позади. Показались леса и снежные пики Сьерра-Невады. Чем выше они въезжали, тем чаще Нора замечала снежные участки, причем не только на горных вершинах, но и в тени под деревьями по обе стороны от автомагистрали.

Около полудня они добрались до Траки, штат Калифорния. Когда съезжали с автострады, Нора была весьма разочарована, увидев, что городок представляет собой довольно захудалый курорт с дешевыми деревянными гостиницами и домами, прятавшимися под пихтами и елями. Парковка возле памятника пионерам оказалась до отказа забита туристическими автобусами с работающими двигателями. Оттуда толпами вылезали люди с мобильными телефонами и селфи-палками. Все вокруг окутывали пары дизельного топлива.

– Почему-то я думала, что тут все как-то... величественнее, – проговорила Нора, когда они ехали мимо памятника.

– Трагедию Доннеров превратили в источник заработка, – ответил Клайв. – Каждый год сюда приезжает пара сотен тысяч человек. А оттого что рядом автомагистраль, еще хуже.

Да, трудно поверить, что в таком обычном местечке могло произойти нечто настолько чудовищное.

Они ехали через город, и вскоре слева показалось озеро Доннер – голубая гладь, переливающаяся в солнечных лучах. Потом повернули, проехали за ворота ранчо, на которых красовался череп лося, и оказались во дворе. «А вот это уже на что-то похоже», – подумала Нора. Старинный дом, сложенный из потрескавшихся бревен. Вокруг бараки для работников, амбары, загоны для скота и лошадей – и все это под высокими елями.

Нора припарковалась возле входа в дом, и все высадились из машины. День прохладный, пахнет хвойной смолой. Тут дверь открылась, и на крыльцо, топая по доскам ковбойскими сапогами, вышел долговязый мужчина с длинными подкрученными усами. В одной руке он держал огромную чашку кофе. Спустившись с крыльца, снял ковбойскую шляпу.

– Добро пожаловать на ранчо «Красная гора», – поприветствовал он гостей. – Я Форд Бёрлесон, но все называют меня просто Бёрл. А вы, наверное, археологи?

Они обменялись рукопожатиями. Нора с любопытством разглядывала Бёрла. Вблизи он оказался просто великаном. Должно быть, ростом метра два, не меньше. Как и у многих очень высоких людей, плечи у него сутулые. Ничего удивительного: ему ведь постоянно приходится смотреть на остальное человечество сверху вниз. С виду Бёрл вылитый ковбой, однако Нора заранее навела справки и знала, что на

самом деле он окончил Гарвард и раньше работал адвокатом по бракоразводным процессам. Но потом резко бросил очень прибыльную карьеру в сфере юриспруденции и купил лошадиное ранчо неподалеку от мест, где прошло его детство. Голос у Бёрла низкий и хриплый. Звучит внушительно: для зала суда как раз то, что надо. Нора рассматривала три варианта и тщательно изучила каждый, прежде чем остановить выбор на ранчо «Красная гора».

Все представились Бёрлу и пожали ему руку.

– Наверное, хотите отдохнуть после долгой дороги? – проговорил Бёрлесон, водружая шляпу обратно на голову. – Проходите.

Нора вошла в главное строение. Бентон, Салазар и Адельски – следом. Они оказались во внушительном помещении. Огромный камин сразу бросился в глаза. Мебель кожаная, столы и стулья деревянные, грубо сколоченные. Над камином висели лосиная голова и винтовка, на вид очень дорогая.

– Прошу, присаживайтесь.

На столике у дивана уже приготовлены кофе, чай и какао.

– Знатный трофей, – заметил Клайв, кивнув в сторону лоса и одновременно наливая себе кофе.

– Четыреста два балла по шкале Буна и Крокетта, – с гордостью объявил Бёрлесон. – Местный рекорд. – Он сделал глоток и обратился к Бентону: – Говорят, вы потомок одного из участников партии Доннера.

– Мой прапрапрадед – Брин.

– Наверное, трудно было решиться сюда приехать. Даже не представляю, что вы сейчас чувствуете.

– Да, трудно описать словами. Но я смотрю на вещи так: эти люди оказались в чрезвычайных обстоятельствах и вели себя соответственно.

– Согласен. – Бёрлесон повернулся к Норе. – В наших местах о Потерянном лагере давно ходят легенды. Люди чего только не сочиняют!

– Могу представить, – ответила Нора, а про себя подумала: любопытно, что именно сочиняют люди?

– Потерянный лагерь – это не миф, – возразил Клайв. – Его существование – задокументированный исторический факт. О нем знали, просто не могли найти.

– В жизни так часто бывает, не находите?

Бёрлесон достал из потрепанной кожаной сумки папку из манильской пеньки, положил на стол и открыл.

– Я получил ваш список необходимых запасов в дорогу. Кое-что добавил от себя. Все уже куплено и рассортировано, осталось только погрузить. Выезжаем завтра, если у вас не поменялись планы.

– Нет, не поменялись.

– Только перед этим выложите ваше снаряжение на террасу. Я должен его осмотреть. Нужно оценить размеры и вес поклажи. Тогда станет понятно, сколько вьючных лошадей нам понадобится. Отправляемся на рассвете. – Бёрлесон повернулся к молодому человеку, маячившему неподалеку. –

Зови команду.

Вскоре в помещение вошли три человека. У Норы создалось впечатление, что они ждали у самой двери.

– Джек Пил, наш новый табунщик. Только что приехал из Невады. Там он работал в отеле-ранчо под Рино.

Бёрлесон указал на невысокого, крепко сбитого афроамериканца.

Пил по очереди подходил к членам экспедиции, молча и с серьезным лицом пожимая всем руки. На голове у него красовалась белая ковбойская шляпа, покрытая пятнами от земли, пота и пыли. Снимать головной убор табунщик не стал. При ходьбе шпоры на сапогах тихонько позвякивали. Глаза у него были серые.

– Мэгги Бак, наш повар.

Та оказалась полной противоположностью сурового Пила. Она с широкой улыбкой кинулась приветствовать гостей, да так ретиво, что едва не сбила с ног Брюса Адельски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.